

Андрей Яншин

ЧЕЛЯБИНСК. ТОЧКА НА КАРТЕ ВРЕМЕНИ

(исторические заметки и ностальгические этюды)

СОДЕРЖАНИЕ

Два слова от автора

1 ГОРОД В ПРОСТРАНСТВЕ

2 ОТ КРЕПОСТИ ДО УЕЗДНОГО ГОРОДА (18 век)

3 ГОРОД КАК ДРЕМОТА (19 век)

4 ГОРОД НА ПЕРЕЛОМЕ: ПРОТИВОСТОЯНИЕ (конец 19 – начало 20 века)

5 ГОРОД В ОГНЕ (революции и гражданская война)

6 ГОРОД КАК МЕЧТА (советский период)

Два слова от автора

Очерк, который предлагается здесь вниманию читателей, не претендует на историческую полноту и тем более «объективность». «Объективно» пишутся учебники и диссертации, сжимающие живую жизнь тисками рассудка. А «объективно» рассказанная история города представляла бы собой, скорее всего, статистический свод, что-то вроде сухой энциклопедии, за краем которой осталось бы главное: ветры судьбы, дыхание горожан разных эпох, пульс и движение времен.

И тем не менее есть все же некая другая объективность, «субъективная», и вот ее-то хотелось уловить на этих страницах. Есть некое движение во времени человеческого сознания, сонма сознаний. Может быть, его мы и называем «дух времени», и может быть, именно этот поток разнородных сознаний, образующих «портрет» эпох, и есть сама суть человеческой истории.

В этом смысле история любого крупного города, по определению представляющего собой плавильный котел для разнородных сознаний, любопытна вдвойне. А история Челябинска в каком-то смысле просто-таки уникальна. Город на перекрестье дорог, на стыке природно-географических зон, на перепутье цивилизаций, город в центре страны,- он прошел в своем развитии все этапы, от крепости до гигантского мегаполиса, он находится, если посмотреть с определенного ракурса, в эпицентре новой российской истории.

Челябинск как точка на «карте времени» огромной страны. Челябинск как живая река образующих ее «плоть» человеческих сознаний. Вот о чем наш не претендующий на исчерпывающую историческую полноту и хирургическую точность «исторических диагнозов» очерк.

ГОРОД В ПРОСТРАНСТВЕ

1

Современный Челябинск, каким знаем мы его последние полтора-два десятилетия, совсем не похож на своего предшественника конца советской империи. Челябинск 70-80-х, в свою очередь, не похож на город послевоенный. В каком-то смысле – это разные города. И люди, которые рождались и вырастали в них в это время, – разные люди. Новая история – стремительна. Десятилетия в ней по плотности подобны столетиям и даже тысячелетиям эпох минувших, и нам сегодняшним вряд ли возможно понять наших предшественников, соприкасавшихся с этой землей каких-нибудь сто-двести лет назад. Что уж говорить о тех далеких наших предках, которые кочевали по Зауралью прежде образования города.

Парадокс в том, что город нового времени, создавая комфортные условия обитания, одновременно отделяет нас от мира вокруг. И, живя в отделении, отдельно от большого, природного, естественного мира, мы совершенно иначе воспринимаем пространство, нежели наши предки. Мы оказываемся в нем – гостями.

Какими были они? Чем было для них это пространство, которое ныне занимает город? Чувствовали ли они особость его, его уникальность?

2

А ведь оно действительно уникально. Специалисты говорят нам, что Челябинск (и много ли городов на Земле могут похвастаться этим?) стоит как бы на геологическом разломе, на геологической границе горного Урала и Сибири. Причем вполне буквально: сосновые боры Челябинска, Центральный и Северо-западный районы - это еще горы, это гранит, а Ленинский район и ЧТЗ – уже Западно-Сибирская низменность, толща песка, берег плескавшегося здесь миллионы лет назад бескрайнего моря. Оно было здесь, и оно отступило, оставив нам на память одну лишь крохотную капельку свою – некогда соленое озеро Смолино, прежде называвшееся Ирентик.

Местность эта (зауральский пенеплен, от французского *peneplaene* – почти равнина) - сердцевина огромного континента, вбирающая в себя все его многообразие и примиряющая всю его сложность. Укромно прильнувшая к каменному поясу Уральских гор, надежно укрытая от испытующих очей европейской России, одновременно является она и символом великой открытости, великого перекрестья. Здесь сходятся степь – и тайга, Европа – и Азия, здесь издревле соприкасались, сменяя друг друга, этносы и народы. В каменном веке, возможно, прошли по нашей земле в своей экспансии с Юга на Север предки индоевропейцев, не миновали Южный Урал и финно-угорские народы, использовавшие его как плацдарм для освоения Северной Европы и Западной Сибири. «Первые костры на месте Челябинска были зажжены еще в каменном веке, не менее 7-8 тысяч лет назад,- рассказывает археолог Н.Б.Виноградов. – Людей привело сюда обилие зверя в лесах, рыбы в реке Миасс и окрестных озерах. Следы жизни древнейших обитателей – каменные орудия охоты и рыболовства и обломки древних керамических сосудов – найдены на берегах Миасса, южнее плотины Шершневого водохранилища, у мельзавода, на берегу озера Смолино».

По мнению Геннадия Здановича, именно рыбные богатства наших озер привлекли сюда людей каменного века. Ученый полагает, что климатические изменения ледникового периода, повлекшие гибель мамонтов и других крупных животных, сильно осложнили жизнь наших далеких предков. В степях, что сменили тундру, дичи значительно поубавилось, и основным

«куском хлеба» для них стали дары уральских озер. Кроме того, не забывали, конечно, эти люди и об охоте, о чем говорит наличие множества останков лошадей на древних стоянках южноуралья. Люди конца каменного века, впрочем, не только охотились на скакунов, они пытались их одомашнить.

Позже, в эпоху бронзы, в эпоху изобретения колеса, когда одомашнивание тягловых животных завершилось, направление миграций этносов изменилось. Реки, русла которых прежде определяли основные пути человечества, стали уступать место дорогам. Великий степной пояс, от Енисея до Дуная, стал в ту эпоху столбовой дорогой, связавшей две части континента, разделенные стеной древних гор. Та эпоха также оставила свои следы на карте будущего города. Археологи находят следы поселков и курганные могильники скотоводческих народов, пришедших на Южный Урал из необъятных степей Азии, близ современной станции Смолино, на берегах Первого озера и озера Синеглазово. На пойменных лугах по берегам Миасса, скорее всего, паслись в те далекие времена прирученные ими сравнительно недавно стада овец, коров, лошадей.

Ранний железный век – новые обитатели. «В то время наши места представляли собой пограничную область между (по меньшей мере) тремя народами. Близ аэропорта на обрывистом берегу Миасса великолепно сохранились развалины городища, построенного 2,7 тысячи лет назад людьми иткульской культуры. У них добыча медной руды и выплавка металла были одним из основных хозяйственных занятий... С юга к нашим местам тогда подходили летние кочевья ираноязычных скотоводов – сарматов... Их подкурганые погребения с оружием, украшениями и предметами культа раскопаны археологами на берегу Миасса у Першино, у поселка Бутаки и на озере Смолино» (Н.Б.Виноградов).

Сарматы жили на нашей земле, по историческим меркам, совсем недавно, в первом тысячелетии до н.э. и несколько позже. Наравне с медью они уже использовали и железо. Главным их божеством было Солнце, и в их захоронениях археологи обнаруживают соляные символы, в частности, кресты, сделанные из бронзы.

Следующая волна заселения Южного Урала – это тюрки, пришедшие к нам на заре первого тысячелетия. Именно из их среды формировался на Южном Урале башкирский этнос. Юрты и стада башкир и других кочевых скотоводческих народов встречались на месте современного Челябинска на протяжении всего средневековья вплоть до образования на берегу Миасса крепости. Как пишет в своих воспоминаниях (1924 г.), ссылаясь на устные предания, В.А.Протасов, бывший до революции секретарем Челябинской городской думы: «в местности, где в данное время находится старое кладбище и при нем Симеоновская церковь, на горе были расположены коши, принадлежавшие башкиру Селябе».

К слову, место это, нынче окруженное всеми «прелестями» городского ландшафта, весьма примечательное. Оно – своего рода смотровая площадка, последняя веха Уральских гор и одновременно – заглавная точка окрестностей, позволяющая обозреть их пристально и пристрастно. «Вот та точка, с которой старый город – весь как на ладони. Отсюда можно обозреть и то место, которое называлось урочищем Челяби. Что видел древний кочевник? - реконструирует панораму прошлого писатель и журналист Михаил Саввич Фонов. - Справа он видел сосновый бор. Он тянулся где-то до Свердловского проспекта (прежде он назывался улицей Лесной). Две реки, притока Миасса, видны были отсюда. Они начинались в болотах, текли в заболоченных берегах. Все остальное пространство занимал березовый лес. Кочевник дышал абсолютно чистым воздухом урочища, пил его абсолютно чистую воду. Он не сомневался в том, что реки богаты рыбой, а леса – дичью, ягодами и грибами...»

Да, сегодня нам остается только воображать, как и каким ощущали пространства вокруг нынешнего мегаполиса-гиганта люди далекого прошлого. Дети природы, они существовали в ее естественных ритмах, брали ее дары, а взамен отдавали свое благоговение, свой трепет. Зависимые во всем от матери-земли, они должны были воспринимать ее как огромное живое существо, непостижимо-сложное, таинственно-прекрасное, близкое и несказанно далекое одновременно. Свободные в своих странствиях, они умели отдавать ей всех себя, их общение с нею было целостным, и хочется думать, что в те далекие времена каждый кочевник был одновременно и священником, жрецом, т.е. воспринимал мир, воспринимал Землю – как мистерию, как тайну. Как писал поэт:

...Под звездным небом бедуины,
Закрыв глаза и на коне,
Слагают вольные былины
О смутно пережитом дне.
Немного нужно для наитий:
Кто потерял в песке колчан,
Кто выменял коня — событий
Рассеивается туман;
И, если подлинно поется
И полной грудью, наконец,
Все исчезает — остается
Пространство, звезды и певец!

О.Э.Мандельштам

Вот она – суть того древнего мироощущения, которое едва ли знакомо нам, жителям городов, сегодня. Обитатели каменных джунглей, мы можем лишь устремляться внутренне в то пространство, которое для древнего человека было домом.

3

К 16 веку на территории по обе стороны Уральских гор обитали многочисленные племена башкир. Это был, по сути, уже целый народ, сложившийся в 13-14 веках, со своими культурой, традициями, со своим укладом. Башкиры были кочевниками-скотоводами, мигрировавшими с табунами лошадей, стадами овец, баранов, коров в поисках лучших пастбищ. Они жили в юртах, питались преимущественно молоком (в первую очередь молоком кобылиц – кумысом) и мясом. Известно также, что башкиры были непревзойденными бортниками (согласно народным преданиям, даже самоназвание этноса связано с пчеловодством: «баш» - голова, «курт» - пчела, «башкурт» - главный над пчелами). Вообще, образ жизни башкир, несмотря на колонизацию Урала Россией, менялся очень медленно, и еще в 1770 году академик Петр-Симон Паллас описывал маршруты башкирских скотоводов:

«В здешних-то местах находятся самые лучшие лошади Башкирии. Да и сами башкиры пользу и достоинство трав в Исетской провинции ведают. Когда они в июне месяце, избегая комаров и оводу, кои тогда в сих странах почти воздух наполняют, с своими стадами в холоднейшие горные места переходят, то лошади, очевидно, бессильнее становятся, худеют и во

время тамошнего пребывания вовсе сытость теряют; едва успеют опять в степь возвратиться в конце июля к своим зимовьям, то скот опять скоро и приметно бодрее и в плотность приходит.

Они, приобвыкши к праздности, не довольно сена на зиму запасают, но принуждают лошадей траву выгребать из-под снега и тем питаться, отчего нередко случается, что есть ли после выпавшего снега наступит мокрая погода, и после от морозов покроет гололедицею, или в начале зимы есть ли глубокий снег выпадет, то бедный скот почти без корму, и весьма жалко смотреть, как он худеет, чему я примеры и сей зимы видел.

В рассуждении сих обстоятельств довольно удивительно, что еще таких башкиры хороших и сильных лошадей имеют».

Удивление маститого академика тут отнюдь не случайно. Это удивление человека цивилизации, не способного «ухватить» самое душу свободного кочевого народа, проникнуть в характер отношений вольного кочевника с миром. И миф о праздности башкир – еще одно тому подтверждение. Кочевник, существующих в ритмах природы, не заботится о завтрашнем дне, точнее – заботится ровно настолько, насколько это необходимо. Он доверяет Земле, как сын – матери, он умеет читать ее послания, обещающие засуху или суровое зимовье, и он достаточно гибок (будучи не привязан к одному месту), чтобы выдержать все превратности годового природного цикла. Поэтому он крепок, крепко его потомство, поэтому «хороши и сильны его лошади», закаленные в переходах, способные сами позаботиться о себе.

Ничего лишнего, ничего, что может пресытить тело, затуманить дух, ограничить пространство дома (коим является вся родная земля) стенами привязанности, – вот правило.

Уже упоминавшийся нами В.А.Протасов в своих воспоминаниях описывает быт башкир-скотоводов, каким он еще сохранялся в Приуралье в 19 веке. Это очень простой, почти аскетический быт, неотделимый от природы, несмотря на то, что элементы оседлости в жизни народа проявляются все сильнее.

«Башкиры мало употребляют хлеба, довольствуясь больше маханом (конское и баранье мясо) и кумысом (молоко кобылиц); из молока же кобылиц готовится еще курт – нечто вроде сыра или творога. Если к этому добавить еще лепешки из муки, разбавленной водою, испеченные в золе, да салму (лапша) в бараньем супе – вот и все несложное меню кушаний башкир. При недостатке кумыса или отсутствии его башкиры, что называется, опаиваются чаем, особенно на отхожих промыслах... Весною башкиры из домов переселяются в коши... Башкиры с весны до осени всегда на вольном воздухе; напившись кумыса (он несколько опьяняет, но и располагает ко сну), они не укрываются в тени или в коше, а валяются на траве под лучами солнца».

Интересно, что от прошлого полностью кочевого уклада осталась у башкир беззаветная преданность и тяга к лошадям, можно сказать – незаконная тяга: «Имеется за ними грешок – «карабчить» лошадей. Это, так сказать, их специальность, профессия. Можно сказать безошибочно, что из ста краж, совершенных башкирами, 90 – падают на «карабчу» лошадей, другое что башкир редко украдет».

Но вернемся назад во времени. Несколько веков Башкирия находилась под властью татаро-монголов, однако экспансия России на восток становилась все ощутимее, и с падением Казанского, а затем и Сибирского ханств (ок.1598) положение башкирских племен начало меняться. Основная часть их после взятия войсками Ивана Грозного Казани (1552) добровольно приняла российское подданство. Земли же за Уралом были присоединены к России в начале 17 века. Формально Россия гарантировала новым подданным полное сохранение их жизненного уклада, обязав их лишь вносить яса (дань) пушниной и медом. Но только формально. В действительности же история этой земли и народов, ее населявших, вошла в трагическую и

переломную фазу, ибо с приходом (в лице посланников «белого царя») европейцев на Уральских пространствах соприкоснулись две взаимоисключающие силы истории – свободные, не заботящиеся о завтрашнем дне дети степей и – дети цивилизации, обреченные на заботу о будущем, мыслящие категориями прогресса и комфорта.

Именно в контексте этого соприкосновения, быстро перешедшего в схватку (исход которой был предрешен), и начнем мы говорить сейчас о возникновении на южноуральских землях в 1736 году малой «крепостцы», ставшей сегодня одним из пяти самых крупных промышленных городов новой России.

4

Даже находясь под властью орды, а позднее – татарских ханов, коренные обитатели Уральских степей оставались сами собою, поскольку не подвергался сомнению сам стиль их существования: как в крови захватчиков, так и в крови покоренных было одно общее – они мыслили свою жизнь как кочевье. И совсем иное «послание», совсем иную идеологию несли с собой «русские европейцы». Цивилизационная политика расширяющего свои владения колосса по определению жаждалась на жажде наживы. Огромная государственная машина, как раскручивающаяся воронка водоворота, втягивала в свое чрево все новую «пищу». Ей нужны были минералы и руды, кони и пушнина, драгоценные камни и – самое земля. Ибо в ее экспансии ей нужны были все новые опорные точки. Создание слобод, острогов, крепостей было вызвано и объяснялось государственными нуждами, чистой прагматикой – необходимостью противостоять набегам «варваров», однако в действительности то была тяжелая поступь «каменного гостя», пришедшего, чтобы подвести черту под тысячелетиями, сказать железное «нет» безытному, бездомовному, вольному миру свободных детей Земли.

Вполне соответствовала целям государства и психология людей, руководивших колонизацией. Это по преимуществу были «государственные люди», широко мыслящие, пассионарные, ощущавшие себя демиургами, чье предназначение – вдохнуть жизнь в аморфное пространство неосвоенных (казавшихся им таковыми) земель. Они могли быть более «добрыми» или «злыми» по отношению к коренным обитателям Урала, но трагедия ситуации заключалась в том, что уже в силу своей исторической роли они были призваны разрушать. Все, что казалось им созиданием, с точки зрения этой земли и ее сыновей – несло гибель.

В каком-то смысле все они были скроены по архетипу главного «цивилизатора» России, по архетипу Петра. Скажем, не может не вызывать истинного восхищения фигура основателя Ставрополя (ныне Тольятти), Перми и Екатеринбурга Василия Никитича Татищева, которому, кстати, долгое время приписывалась и честь основания Челябины. Вот как описывает этого мужа в своем историческом очерке, посвященном Екатеринбургу, Д.Н.Мамин-Сибиряк: «Татищев ... обладал почти гениальной всесторонностью, чем был и сам Петр I, этот первообраз всех русских самоучек. Получивши образование “по артиллерии”, Татищев проявил в себе таланты прекрасного администратора, придворного, дипломата, ученого — одним словом, он с необыкновенной быстротой осваивался в каком угодно положении. Достаточно сказать, что он управлял монетной конторой в Москве, исполнял дипломатические поручения в Швеции, был церемониймейстером при дворе, строил заводы, усмирлял башкирские бунты, служил астраханским губернатором и, не смотря на все это подавляющее разнообразие своих должностей, находил время затрачивать массу труда на составление первой русской истории, справедливая научная оценка которой сделана только в последнее время». Всесторонне образованный самоучка, Татищев принес с собой за Урал идеи просвещения: основывая города, закладывая фундамент горнозаводской индустрии Каменного пояса, он одновременно заботился

об образовании народа, строил многочисленные «словесные и арифметические», а также горные школы. Однако, обладая мягким характером и мирным нравом, он не мог выполнять свою «цивилизаторскую» миссию только наполовину. Как любой политик любой эпохи, в каком-то смысле он оставался всего лишь орудием анонимных сил, творящих историю по своему плану. Тот же Мамин-Сибиряк рассказывает, что в 1735 г., когда вспыхнул башкирский бунт по поводу постройки города Оренбурга, Татищев во главе своего горного войска выступил в поход против восставших и подавил их выступление. Весной 1737 г., находясь по делам службы в Мензелинске, он послал в Екатеринбург майору Угрюмову такое предписание (касалось оно одного из пленных участников бунта, получившего помилование благодаря согласию креститься, а после вернувшегося в магометанство): «Татарина Тойгильду за то, что, крестясь, принял паки магометанский закон, на страх другим, при собрании всех крещеных татар, сжечь; а жен и детей его, собрав, выслать в русские города, для раздачи; из оных двух прислать ко мне в Самару». Приказ этот был приведен в исполнение: 20 апреля 1738 г., в Екатеринбурге, Тойгильда был сожжен живым...

Еще один государственный муж, проводивший на новых российских землях волю царя,- полковник Алексей Иванович Тевкелев, человек, чьими руками, по вполне достоверной версии челябинского краеведа И.В.Дегтярева, и была основана Челябинская крепость. Выходец из ордынских татар, секретарь и переводчик Петра I в Иностранной коллегии по восточным делам, он был широко образованным, эрудированным человеком, в совершенстве владел русским, французским, немецким и многими восточными языками, в свое время способствовал присоединению Малого жуза киргиз-кайсацкой Орды к России. В 1734 году он был назначен помощником И.К.Кирилова, возглавлявшего Оренбургскую экспедицию, и в последовавшие за этим несколько лет принял участие в подавлении ряда башкирских восстаний, причем действовал жестоко и бескомпромиссно. Так, в ходе уничтожения одного из башкирских аулов, каратели Тевкелева убили 1000 жителей, в том числе женщин и детей, при этом 10 человек сожгли заживо... И это только один из подобных эпизодов в послужном списке полковника.

Заглянув в специальную литературу, мы с содроганием увидим, что неумолимое движение русских завоевателей на восток стало для населяющих Урал народов эпохой скорби, причем записей в этом мартирологе (записей о восстаниях, сражениях, схватках) – несть числа. Башкирские восстания 17-18 веков в чем-то очень напоминают восстания индейских племен Северной Америки, отстаивавших свою независимость примерно в это же время. Это отчаянная, ибо заведомо обреченная на неудачу, попытка этноса отстоять свой уклад, свое понимание жизни, свою землю.

5

В 1579 году уральские купцы Строгановы, дабы противостоять набегам сибирского хана Кучума, пригласили дружину казаков, а в 1581 году эта дружина под началом атамана Ермака выступила в поход за Урал, положив начало колонизации Сибири. Осенью 1582 года Ермак овладел столицей Сибирского ханства и начал присоединение его к России. На осваиваемых территориях началось создание «опорных точек» для дальнейшей экспансии: строились слободы, остроги, возводились крепости, среди которых были Тюмень, Тобольск, Сургут и др. Однако поначалу Южный Урал оставался в стороне от этих процессов, русские люди, переваливавшие через горы, обходили его с севера. Действительно, если мы, вслед за М.С.Фонотовым, посмотрим на карту 1735 года (предшествовавшего основанию Челябинской крепости), то обнаружим, что «ее правый верхний угол (северо-восток) густо исписан названиями деревень, крепостей, слобод, острогов. А местность, на которой раскинется Челябинск со всеми своими городами-сателлитами,-

пуста. Ни одного населенного пункта. Отмечен бор Селябской, речки Селябка, Бигилда, Башели, озеро Терменкуль (так обозначен Кременкуль). И все. От речки Селябки до озера Куралды (Курлады) – белое пятно, только три дерева, обозначающих лес».

Однако в том же 1735 году ситуация начала кардинально меняться. Дело в том, что весной 1734 года в Петербурге был утвержден проект и выделены средства на снаряжение так называемой «Известной», а позже поименованной Оренбургской, экспедиции. Разработал этот проект и возглавил саму экспедицию видный русский ученый-географ и экономист И.К.Кирилов, целью которого была экспансия России на просторы Азии. Кирилов намеревался подчинить политическому влиянию русского государства кочевые народы пограничных степей Казахстана, установить прочные торгово-экономические отношения с богатыми среднеазиатскими соседями и даже размышлял о возможности торговли с Индией. Чтобы осуществить задуманное, Кирилов предложил основать (на месте слияния рек Яика и Ори) новую крепость, которая стала бы форпостом России в регионе. Строительство крепости, названной первоначально Оренбургской (позже переименованной в Орскую), началось в 1735 году и имело многие геополитические следствия.

Башкирские племена, осознав, что новый форпост России отрезет их от традиционных путей кочевания, подняли восстание такого размаха, что оно вполне может быть названо войной. В ответ правительство ввело на Урал регулярные войска и санкционировало спешное сооружение оборонительных линий. За короткое время были построены Самарская (от Оренбурга до Самары), Нижнеяицкая (от Оренбурга до Илецкого городка) и Исетская (в составе Чебаркульской, Миасской, Челябинской и Еткульской крепостей) укрепленные линии. В функции последней входила защита уральских заводов от набегов диких племен киргиз-кайсаков, она также препятствовала набегам башкир на богатые хлебом районы Юго-западной Сибири и Среднего Урала и мешала их объединению со степными кочевниками для нападения на русские поселения. Наконец, крепости Исетской оборонительной линии являлись также промежуточными пунктами, облегчавшими доставку в Оренбург продовольствия и фуража. Вот что об этом пишет историк Челябинска И.Д.Дегтярев:

«В связи с построением нового города возникла необходимость снабжения его хлебом, доставлять который назначено было из слобод Зауралья, точнее – Исетского края, входившего в состав Сибирской губернии. С этой целью в Теченской слободе (современное село Русская Теча) и был устроен главный заготовительный пункт для приема хлеба. Отсюда имелось в виду доставлять хлеб обозами на пристань в верхнем течении Яика (Урал). Дальнейшая транспортировка должна была осуществляться сплавом по реке». Однако план этот оказалось выполнить нелегко. Между Теченской слободой и Оренбургом простиралось 600 верст земель, принадлежавших башкирам и другим кочевым племенам, враждебно встретившим известие о строительстве нового города и блокировавшим подвоз провианта, из-за чего зимой 1735/36 года полностью погиб гарнизон пристани (200 человек) и две трети гарнизона Оренбурга (около 600 человек). Чтобы осуществить задуманное и обуздать кочевников, было решено возвести несколько промежуточных крепостей, которые отвечали бы следующим условиям: «1 - чтоб крепость от крепости не была далее 50 верст, 2 – чтоб были в крепком месте, 3 – чтоб водою и покосами в близости недостатка не имели». Планировал все предприятие начальник уральских горных заводов В.Н.Татищев, а осуществить задуманное было суждено уже упоминавшемуся нами полковнику А.И.Тевкелеву, помощнику главы Оренбургской экспедиции И.К.Кирилова.

Получив 5 августа от Татищева прямое распоряжение об основании двух крепостей по Оренбургской дороге («...надлежит вам, взяв с собою всех драгун, сколько есть, и пять пушек, бывших со мною, и к ним ящики, идти к Чебаркулю и тамо следующее учинить...»), Тевкелев

незамедлительно выступил из лагеря при озере Кызыл-Таш (в районе нынешнего Кыштыма) по назначенному маршруту. И.В.Дегтярев пишет, что 9 августа он прибыл «...в деревню Сугояк, 11 августа – в деревню Калмацкий Брод, обращенную тогда в крепость. Выступив из нее 20 августа, Тевкелев в тот же день достиг с командой Миасской крепости (нынешнее село Миасское), где находился до 26 августа. В посланном в тот же день донесении В.Н.Татищеву он писал: «Сей день при помощи вышнего я с командою в надлежащий мне путь пошел».

«В надлежащий путь». Куда же? Искать удобное место? Или же непосредственно в урочище Челябу – начать строительство новой крепости? Верно последнее,- продолжает Дегтярев,- он пошел на место, уже найденное им. Было бы наивно думать, что Тевкелев с командой, насчитывавшей к тому времени до 1000 человек личного состава, с большим провиантским обозом и артиллерией двинулся бы вслепую искать подходящее место. Безусловно, поиски произведены им были заранее... Ему не обязательно было выезжать на разведку самому: в его распоряжении было достаточно офицеров, был и геодезист, прапорщик Михайла Пестриков с помощником Алексеем Тельновым...

Команда прибыла к урочищу в тот же день, 26 августа. В первые дни люди устраивали свой быт: строили шалаши и палатки, возводили вокруг лагеря защитные сооружения... Одновременно расчищался, освобождался от деревьев и кустарников намеченный под крепость участок. 2 сентября состоялось заложение крепости, после чего люди приступили непосредственно к ее строительству. Тевкелев в соответствии с инструкцией Татищева поручил эту работу «надежной команде», а сам двинулся далее на Чебаркуль, куда и прибыл 10 сентября... Кому поручил Тевкелев строительство «Челябинского городка», он в своем доношении не указывает. По некоторым данным, ее «достраивал» майор Павлуцкий».

Точку зрения Дегтярева о том, что Тевкелев заблаговременно знал место, на котором основал крепость, разделяет и Михаил Фонов. Основываясь на том, что угодья вдоль реки Миасс принадлежали тархану Таймасу Шаимову (башкирский старшина Кара-Табынской волости Сибирской дороги, оказывавший царской администрации содействие в подавлении восстания башкир в 1735-40 годах; с его согласия на башкирских землях были построены Верхояицкая, Миасская, Челябинская, Чебаркульская, Еткульская и Уклыкарагайская крепости), он предполагает следующее: «Есть сведения, что Тевкелев и Шаимов были знакомы и, может быть, даже дружили. Совместные поездки то в степи к казахам, то в северную столицу России, вполне вероятно, сблизили их. Можно допустить, что Тевкелев гостил у Шаимова. А если бор Селябский принадлежал Шаимову, не исключено, что полковник бывал и тут. Значит, это место могло быть у него на примете».

Как бы там ни было, будущий город был основан, о чем Тевкелев и докладывал Татищеву в своем историческом донесении, направленном из Чебаркульской крепости: «Вашему превосходительству покорно доношу: сего сентября 2 дня на реке Миясе в урочище Челяби от Миасской крепости в 30 верстах заложил город, где, оставя для строения оного Челябинского городка и кошения сена надежную команду, регулярную и нерегулярную, и несколько мужиков, сего же сентября 10 числа прибыл я с командою моею в Чебаркульскую крепость благополучно...»

6

Итак, на картах того времени появилась новое поселение, но прежде чем приступить к рассказу о дальнейшей судьбе Челябы, было бы опрометчиво не упомянуть об одном весьма любопытном обстоятельстве. По мнению ряда современных исследователей вопроса, крепость, построенная на правом берегу реки Миасс, у впадения в нее речки Селябки, была здесь первым прибежищем выходцев из европейской России, а до ее основания разве что коши кочевников-

башкир разнообразили пейзаж девственных пространств миасской поймы. Однако есть и иная точка зрения.

Кирилл Шишов: «...появившийся отряд Тевкелева в урочище Челяби, возможно, застал неизвестных нам русских вольнопоселенцев – наследников разинских и ермаковских бунтарей, построивших острожек на самом краю Дикополья, возле дремучего Каштакского бора. Казачкам тут было сподручно: в лесу от ордынцев укрыться можно, и избы есть чем обновить... Были, определенно были в урочище Челяби поселенцы в острожке – первопроходцы дикого поля, селившиеся без ордеров...»

На чем основано утверждение известного челябинского автора? Одинок ли он в своей уверенности?

В XXVIII томе «Списков населенных мест Европейской России», изданном в 1871 году под редакцией исследователя старины В.В.Зверинского и содержащем описание Оренбургской губернии, читаем: «Город Челябинск, построенный в 1658 году, есть древнейший в Оренбургской губернии; он устроен для прикрытия слобод по реке Исеть».

Кроме того, в 1890 году свет увидел труд войскового старшины Оренбургского казачьего войска Ф.М.Старикова «Краткий исторический очерк оренбургского казачьего войска», который писал: «Против башкир удачно действовал тайный советник Татищев. В апреле месяце 1736 года он дал инструкцию полковнику Татищеву слободы: Верхне-Миасскую, Бродоколмацкую и Александровскую (ныне г.Челябинск), основанные исетскими казаками (первая в 1685 году, вторая в 1687 г. и третья в 1696-1700 гг.), переименовать в крепости и укрепить, а затем основать вновь: Еткульскую и Чебаркульскую. Между прочим, полковник Татищев основал крепость не на месте самой слободы Александровской, которая была расположена на левом берегу Миасса, а на правом берегу Миасса и назвал ее Челябинской». Допуская в своем сообщении ряд неточностей и ошибок (в частности, неверно называя имя основателя Челябинской крепости), в интересующем нас месте Стариков, однако, ссылается на «Указ Оренбургской губернской войсковой канцелярии от 19 октября 1819 года, которым разъяснено время основания крепости». И хотя этот документ до сих пор не обнаружен архивистами, наличие его представляется исследователям бесспорным. Сомнение вызывает лишь то, «насколько он близок ко времени поселения и чем документируется», лежат ли в основе его одни лишь показания старожилов либо (что более вероятно даже по мнению Н.М.Чернавского, уважаемого историка дореволюционной закваски, высказывавшего сомнения относительно существования Александровской слободы) более глубокие справки из архивов.

Наконец, в 3 томе «Городских поселений Российской Империи» (1863), после изложения событий конца 17 века, сказано: «Селение Челяба возникло в тот же период; в 1736 г. при нем устроена крепость Челябинская». «К сожалению,- пишет экономист и краевед М.И.Альбрют,- в данном случае нет ссылки на источник, откуда взят упомянутый факт. Однако в свете архивных материалов, опубликованных позже Стариковым, приведенное утверждение приобретает характер дополнительного доказательства существования населенного пункта на месте нынешнего Челябинска, задолго до образования Челябинской крепости». В своей неопубликованной книге «Челябинск» этот автор высказывает некоторые сомнения в возможности образования в 1658 году Челябинского острога, однако отстаивает существование возникшей несколько десятков лет спустя Александровской слободы. Как бы то ни было, он наглядно показывает, что ход колонизации Зауралья отнюдь не противоречит этим гипотетическим фактам.

Альбрют утверждает, что освоение исетского и миасского края вольными российскими людьми да беглыми крестьянами началось задолго до правительственной колонизации.

«Сподвижники Ермака, осевшие в низовьях Исети, и привлеченные ими казаки и беглые с Руси, с Дона начали колонизационное движение вверх по Миассу и в междуречье Исети и Миасса. Почти полное безлюдье (вызванное, по мнению Альбрута, в частности, жестокими нападениями на башкир, кочевавших по берегам Миасса, ногайцев в начале 17 века.- Ред.) облегчило продвижение казаков... Задолго до возникновения линии крепостей во главе с Челябинской и крайне западной Чебаркульской, русское население в районе озера Чебаркуль уже находилось. Здесь были, вероятно, заимки, починки, деревушки, жилища рыбаков... Из этой обстановки, абстрактно говоря, вытекает возможность расселения казаков, беглых и на среднем Миассе в начале второй половины 17 века, в том числе и в районе гипотетического челябинского острога...» Правда, далее М.И.Альбрут говорит о том, что «существование Челябинского острога в 1658 г. мало соотносится с конкретным ходом колонизации, прослеживаемым по исторически достоверно возникшим населенным пунктам», однако, по мнению В.С.Боже, возможно, что «именно алогичность подобного шага и привела к тому, что спустя какое-то время этот населенный пункт прекратил свое существование».

Любопытно, что первые русские люди, поначалу не имевшие поддержки государства, на свой страх и риск осваивавшие новые территории, по-видимому, как это следует из сохранившихся документов, признавали право местных кочевников на эти земли. Во всяком случае, они платили башкирам так называемые «кортомные деньги», своего рода налог за право использовать местные природные богатства. В «Сведениях о башкирах...» от 1725/26 гг. сообщаются такие данные: «...на другой стороне Уральских гор к Сибири, по реке Мияс и Течи до Яских вершин, в тех местах озер рыбных довольно, которые озера они башкиры отдают на корм русским. Летом також по оной дороге в горах добывают слюду... которые горы они також отдают на корм русским...» Это, по-видимому, было обычным делом, и лишь по мере усиления государственной экспансии России за Урал и, как бы мы сказали сегодня, «наращивания ею мускулов в регионе», стало вызывать активное недовольство. Так, в челобитной жителей Сибирских слобод от 1695 года читаем: башкиры «в выше описанные реки и озера нас, холопей и сирот ваших, для рыбного и хмелевого и иных промыслов безденежно не пускают, емлют кортомные деньги...» М.И.Альбрут: «Тобольский воевода так же, как и челобитчики, считает ненормальным, что башкиры «рыбные промыслы и всякие угоды отдают промышлять на откуп русским людям, а себе чинят великие пожитки, а в государственную казну с тех земель ничего не платят». Это утверждение тоже свидетельствует о том, что заимки русские и большие рыбацкие деревушки при уплате «кортомы» существовали и становление таких гнезд с русским населением не встречало препятствий». Последний вывод Альбрута, основанный на скрупулезном анализе многочисленных архивных материалов, как и сами эти материалы, позволяет многое домыслить, позволяет заглянуть в ту эпоху, когда представители двух народов, русские и башкиры, жили бок о бок на уральской земле, и жили мирно. Ибо с одной стороны это были вольные кочевники, а с другой – вольные искатели счастья, не сильно обремененные до времени идеологией, стремящиеся освободиться от сковывающего притяжения центра.

Этим, кстати, и могут объясняться те народные предания, в которых повествуется о соседственной жизни русских и башкир (по другим версиям – киргизов) на месте будущей Челябинской крепости. Вот одно из них: «Первые поселенцы селились на левом берегу реки Миасс, в заречной части нынешнего Челябинска. На правом берегу реки была башкирская деревня Челябха. Русские первые поселенцы жили совершенно свободно, не зная над собой никакого начальства. И только башкиры беспокоили их и заставляли быть настороже. Чтобы избавить себя от этого беспокойства, русские собрались на общий сход, решили действовать организованно и избрали себе в руководители атамана Максима Кривого. Максим был человеком

энергичным, он предложил челябинским башкирам ультимативное требование, чтобы они немедленно убрались из этой местности, угрожая в противном случае выгнать их силой. Учитывая превосходство русских, башкиры благоразумно решили исполнить требования Максима. Сложили свои незатейливые манатки, собрали свой скот и перекочевали в Сарт-Калмыцкую волость. После ухода башкир русские начали заселять и правый берег реки».

Вполне можно предположить, что противостояние, описанное во второй части предания, есть уже отголосок и следствие более поздних конфликтов, когда башкирские племена, притесняемые самодержавием, устраивали одно восстание за другим. А вот сведения о поселении русских на левом берегу и об изначально мирном соседстве их с башкирами кажутся нам весьма любопытными. «Небезынтересно, что версия о первоначальном заселении русскими левого берега реки Миасс довольно устойчива в легендарных сведениях,- пишет авторитетный челябинский историк и краевед В.С.Боже.- Так, в 1928 году, при проведении земляных работ, были обнаружены человеческие останки, по поводу которых на страницах «Челябинского рабочего» разгорелась настоящая дискуссия. В ее ходе 70-летний житель Челябинска Г.Игумнов, ссылаясь на рассказ своей матери, которая, в свою очередь, слышала его от своего отца, среди прочего писал: «Здесь, по направлению к реке, была крепость Челяба. Ранее она была только за рекой, а на этой стороне жили киргизы».

Где же на левом берегу могла находиться гипотетическая Александровская слобода? В ответе на этот вопрос все сторонники ее существования согласны между собой: речь должна идти о том месте на холме над рекой, на котором расположен Свято-Симеоновский собор (ныне это район Северного автовокзала). Альбрут: «В трудах Палласа показано существование предместья Челябинской крепости. Не остается ни малейшего сомнения, при элементарном знакомстве с топографией местности, что предместье было расположено в районе Семеновской церкви. Больше того, Паллас дает прямой и непосредственный ответ на вопрос, почему насельники избрали район поселения в отдаленности от реки». И далее Альбрут цитирует следующие строки Палласа: «Город Челябинск лежит несколько вдоль по правому берегу Миасса и имеет одно предместье на левом берегу, находится однако ж на довольно высоком месте, чтобы от наводнения быть безопасну, и во всякое время сухим, по причине покатиного положения и каменистой земли». Уточним лишь, что Альбрут не сомневался: «предместье Челябинска», о котором писал академик, выросло на месте Александровской слободы.

Косвенные данные, работающие на гипотезу об Александровской слободе, принесли и археологические раскопки, имевшие место в 1996 году в самом центре Челябинска, в сквере перед Оперным театром (бывшая Соборная площадь, главная в городе). В ходе этих раскопок было обнаружено несколько десятков захоронений, с большой степенью вероятности датированных началом 18 века. Тщательно проанализировав все имеющиеся данные, связанные с расположением этого и ряда других захоронений относительно первоначальной планировки и ранней застройки Челябинской крепости, В.С.Боже делает следующее заключение: «...на основании имеющихся в нашем распоряжении фактов мы не исключаем возможности существования [здесь] некрополя населенного пункта, предшествовавшего Челябинску. Что это за факты?

Во-первых, отсутствие кладбища на планах 1768 и 1784 гг. Во-вторых, значительность захоронений, обнаруженных в центральной части города. В-третьих, хорошо развитые застройкой части Челябинской крепости, расположенные западнее и восточнее Соборной площади на том же плане 1768 года. Согласитесь, что изначально строить населенный пункт вокруг кладбища, постепенно делая его торговой площадью,- тенденция в развитии населенного пункта не типичная, если не сказать уникальная... И наконец, в-пятых, учитывая менталитет и религиозные

взгляды русских людей начала 18 столетия, нам кажется маловероятным, чтобы кладбище размещалось непосредственно около домов городских обывателей. Более логичным представляется нам существование некоего русского населенного пункта на левом берегу реки Миасс с кладбищем – на правом, прекратившем свое существование за несколько десятилетий до основания крепости».

ОТ КРЕПОСТИ ДО УЕЗДНОГО ГОРОДА

1

С цитировавшегося выше донесения полковника Тевкелева («...сего сентября 2 дня на реке Миясе в урочище Челяби от Миясской крепости в 30 верстах заложил город...») начинается собственно история нашего города. История, с течением десятилетий все дальше уходящая от зыбкой границы мифов.

Выбрав место для строительства крепости, Тевкелев, по-видимому, отдал соответствующие распоряжения и о ее устройстве. Какой же она была в первые годы своего существования? «Из плана, составленного в 1736 году, видно, что крепость находилась на правом берегу Миасса и представляла собой небольшую 4-угольную площадку размером в длину и ширину по 60 сажений (около 130 метров в ту и другую сторону) с выступающими наружу углами, огражденную рубленой деревянной стеной с двумя проезжими башнями (в северной и южной стенах). Параллельно стене с наружной стороны на плане показан ров, за ним намечены рогатки и надолбы. Ширина полосы препятствий (ров, рогатки и надолбы) составляла, судя по плану, 25 сажений (около 50 метров) с каждой стороны, кроме северной (т.е. по берегу реки), где этой полосы не было. На огражденной стеной площади обозначены командирский дом, четыре солдатских казармы, четыре провиантских амбара и пороховой погреб. Показан также мост через реку Миасс. Он находился на продолжении осевой линии крепости, проходившей через башни. Расстояние от северной стены крепости до моста (до кромки берега) составляло примерно 40-45 метров». При этом «огражденная стеною площадь предназначалась лишь для построек военного назначения, все же другие строения, в том числе дома поселенцев, должны были размещаться вне стены». И далее И.В.Дегтярев (а именно ему принадлежит первенство детальной реконструкции планировки крепости) предлагает свою версию ее расположения относительно современной нам застройки города. Некоторое время эта версия представлялась едва ли не бесспорной, однако обнаруженный при раскопках перед Оперным театром погост, по мнению В.С.Боже, мешает считать ее окончательной. И.В.Дегтярев: «Из сопоставления плана крепости 1736 года с планами города последующих лет становится ясным, что крепость занимала участок перед мостом, простиравшийся к югу от улицы Труда до середины квартала в сторону улицы Карла Маркса (протяженность квартала 260 метров, а крепости – только 130 метров). Западная стена крепости располагалась за табачной фабрикой в 60-65 метрах от осевой линии улицы Кирова, на таком же расстоянии к востоку находилась восточная стена. Заметим, что это место не стало, однако, центром города. Центр сформировался вне стен этой крепости на свободном участке территории, прилегавшей к ней с востока (в наше время – восточный край площади Ярославского). Здесь построена была церковь – сначала деревянная, потом каменная (Христорождественский собор), дома провинциальной канцелярии, полицейского управления, купеческой ратуши, гостиный двор (торговые ряды)». К сказанному добавим лишь, что избы «нерегулярной команды и мужиков»

расположились ровной линией между северной крепостной стеной и рекой и впоследствии образовали первую городскую улицу, одну из главных улиц старого Челябинска (ныне она зовется ул.Труда).

2

Естественно, что первыми насельниками новой крепости были военные, состоящие на государственной службе. Кроме того, летом и осенью 1736 года полковник Тевкелев, выполняя приказ Румянцева и Кирилова от 26 мая 1736 года («в нужных местах до верху Яика частые острожки построить и сколько возможность допустит поставить в них казаков»), производил дополнительный набор поселенцев. Дело в том, что указом от 11 февраля 1736 года императрица Анна Иоанновна позволяла набрать в казаки до тысячи человек крестьян из «крайних сибирских и теченских слобод», что, вероятно, для многих из последних было исходом. О судьбах этих крестьян, ставших казаками, мы сегодня можем получить некоторое представление благодаря первой переписи населения крепости, проведенной в 1739 году. Переписная книга включает 184 семьи, 1061 имя. «Люди, которые поселились в необжитом краю на реке Миасс, конечно, были рисковыми людьми, - пишет М.Фонотов.- Из тех, кто уже успел помотаться по белу свету. Кто знал толк в приключениях. Чья бродяжья кровь гнала с места, звала в неведомую даль, в которой грезилась волюшка и довольство. Наверное, это были незаурядные люди, из открывателей, первопроходцев, с характером, с норовом, хваткой. Словом, жизнь их отбирала по таким признакам, как сила, воля, мужество, вера в себя. Впрочем, попадалось среди них, конечно, и всякое перекаати-поле, сорванное с корня и гонимое ветрами из края в край».

Благодаря упоминавшейся переписи точно известно, что из 202 семей, записанных в Челябинскую крепость Тевкелевым, 129 семей съехались из различных слобод Зауралья, в том числе из-под Шадринска, из Долматовского монастыря, из Теченской слободы. Все они имели там свое хозяйство, дома, землю. Остальные 73 семьи, собственно, прибыли из тех же краев, однако они не жили там постоянно. Как пишет Дегтярев, «земли они не имели, кормились работами по найму и в поисках их переходили из одних селений в другие. Это были выходцы из разных уездов европейской России (преимущественно северных), оставившие по тем или иным причинам прежние свои жилища (чаще всего по причине «хлебной скудости») и скитавшиеся потом многие годы (а некоторые и всю свою жизнь). Местным населением они именовались «расейскими» людьми. Среди них были не только батраки или чернорабочие, но по преимуществу мастеровые: плотники, печники, пимокаты, портные, сапожники, шорники, колесники и т.д., труд которых всегда пользовался в деревнях спросом... Бывших помещичьих крестьян среди них не было, не было и ссыльных, а также потомков дружины Ермака».

Люди эти переезжали на новое место большими семьями, обычно от 8-10 до полутора-двух десятков человек. Такой «дом» включал два-три поколения, главе семьи нередко бывало за восемьдесят. Естественно, было в крепости и множество детей.

Крестьяне, ставшие первыми жителями будущего города, именовались в то время беломестными казаками и становились неотъемлемой частью казачьего сословия. За свой труд, как правило, они не получали жалованья, но не облагались никакими податями, могли разводить скот и наделялись расположенными поблизости от крепости значительными наделами пахотных земель и сенокосами. Возможно, именно последнее обстоятельство, вкупе с ореолом вольности, всегда окружавшим казаков на Руси, и подтолкнуло этих людей к столь кардинальной перемене жизни. Влившиеся в сообщество исетских казаков, они должны были теперь совместно с солдатами крепостных гарнизонов нести караульную службу, выполнять фортификационные работы, сопровождать обозы с хлебом, двигавшиеся из Сибири в сторону Оренбурга, участвовать

в подавлении выступлений башкир и в отражении набегов кочевников на приграничные поселения. При этом казаки зачислялись в войсковое сословие навечно и не имели права из него выходить, также они не могли самовольно, без разрешения начальства, покинуть свои поселения и переезжать в другие места. Наконец, за ними оставалась непростая обязанность обеспечивать себя всем необходимым для службы.

Надо полагать, что такой перелом жизненного уклада был настоящим испытанием для бывших крестьян. Обремененные тяготами службы, мужчины уже не имели возможности заниматься хозяйством, и эта ноша полностью ложилась на плечи женщин, детей и престарелых. Поэтому материальное положение городских казаков, как их нередко тогда называли, было тяжелым.

Поначалу живя в крепости и близ нее, постепенно казаки расселялись и поодаль, на свои полевые заимки, позже превращавшиеся в деревни. А.П.Моисеев пишет: «Челябинскую крепость облепили деревушки и выселки. Башкиры, на землях которых ее поставили, относились к новым соседям относительно мирно, выселяться за крепостные стены можно было без особого риска. Названия выселки получали по имени тех, кто их основывал. Шершням оставил название казак Шершнев, Новосинеглазову – первопоселенец Синеглазов. В старых книгах встречается такое объяснение названия озера Смолино: грязь в нем черная и липкая, как смола. А на деле, это память о казаке Смолине, который поселился на берегу Ирентик-куля. Старое название забылось, а новое родилось из казачьей фамилии... Поселки Сухомесово, Исаково, Першино, Фатеевка, Чурилово, как и расположенные в окрестностях поселки Баландино, Бухарино, Заварухино, Казанцево, Полетаево, Чипышево... Почти все «именные» селения вокруг Челябинска – памятники первопоселенцам этих мест». Даже Долгодеревенское, имя которому дал челябинский казак Долгий, первым поселившийся в месте впадения Есаулки в Миасс.

Процесс отселения казаков из города шел непрерывно, и проведенная в 1795 году перепись зарегистрировала в окрестностях Челябинска уже 28 казачьих деревень и поселков, насчитывавших 466 дворов.

К слову, мало кто сегодня знает, что уникальная достопримечательность Челябинска – наш городской сосновый бор, еще в конце 19 века простиравшийся до нынешнего Свердловского проспекта, - прежде также назывался Казачьим и еще - Шершневским. Как большинство земель в округе, он принадлежал Оренбургскому казачьему войску и в более поздние времена патрулировался шершневскими казаками, которые даже проводили здесь свои учебные сборы, о чем нам могут рассказать высаженные по периметру казачьего лагеря и до сих пор сохранившиеся кусты акаций.

3

Но вернемся к Челябинской крепости. Основанная в 1736 году, заселена она была (по мнению И.В.Дегтярева, досконально изучившего этот вопрос) отнюдь не тотчас. Краевед считает, что активное заселение началось не ранее 1738 года и длилось несколько лет. Причем в большинстве своем жители не рубили здесь новые дома, а перевозили с насиженных мест, разобрав их, старые. «Обычно это так и делается в условиях местных, недалеких переселений. Ведь разобрать имеющийся дом, перевезти его и собрать на новом месте – это для переселенца было значительно проще, дешевле и быстрее, чем рубить его там заново.

Какие же дома привезли в Челябинск первые поселенцы? Ко времени основания Челябинска в селах и деревнях Зауралья господствующим типом жилого дома был тип шестистенного трехкамерного дома-связки. Сруб такого дома делился капитальными стенами на

три помещения: избу, сени, клеть,- расположенные в одну линию, вследствие чего дом получался очень длинным (длина превышала ширину в три раза). Трехкамерный дом-связка – это сложившийся столетиями тип народного (по происхождению крестьянского) жилища, известный на Руси еще со времен Ивана Грозного. Вот такие дома и привезли с собою в Челябинск первые поселенцы... и хотя постепенно они вытеснялись домами «городских» типов, однако в редких случаях строились они (простым людом) даже еще и в середине 19 века.

Жилой частью дома являлась только изба. Сени и клеть были нежилыми и не отапливались. Вход в дом вел со двора через сени, занимавшие срединное помещение. Из них в одну сторону была дверь в избу, в противоположную – в клеть.

Клеть – это кладовая. В ней стояли сундуки с «праздничной одеждой», холстами и прочим добром. Тут же хранились всякие хозяйственные припасы. Окон в клети не было, вместо них делались узкие (в полбревна) прорезы, через которые могла пролезть только кошка. При надобности, клеть можно было превратить в жилую комнату, прорубив в ней окна и поставив печь. В этом случае она именовалась горницей.

Дома были высокие. Под полом дома (под «избой») устраивалось подполье, по высоте в полроста человека (иногда выше), называвшееся голбцем, с ямой посередине, в которой зимой хранились овощи. Вход в голбец был из избы. Под полом клети находилась подклеть с входом со двора, используемая для разных хозяйственных надобностей» (И.В.Дегтярев).

Интересно, что в то время деревенские избы в России нередко отапливались еще по-черному. Печь не имела трубы, так что дым выходил либо в специальное окно, делавшееся высоко в стене напротив печи, либо в отверстие в потолке над печью. В этом случае из-под крыши он выходил через дымник – специальную деревянную трубу. Были такие дома и в Челябинской крепости. Так, в 1776 году мещанин Иван Баушкин, описывая свой дом, писал: «...горница с комнаткой, изба черная, между ими двои сени, в них два чулана».

4

Итак, крепость заселялась, росла, однако имя свое уже не меняла, и имя это, как и время возникновения первопоселения на месте будущего города, - еще одна загадка Челябы. Версий происхождения имени – множество. От научных, опирающихся на этимологию слова, до фольклорных. По одной из них (ее озвучил в своих воспоминаниях В.А.Протасов, 1856-1929), название соснового бора, а позже и крепости могло возникнуть от имени башкирского вождя Селябы (иногда указываются его вариации – Селебей, Челебей).

По другой легенде, записанной в свое время А.Шумаковым и созвучной предыдущей, «на том месте, где теперь Челябинск, 200-250 лет тому назад был единственный рыбачий шалаш. Стоял он на левом берегу реки Миасс против теперешних улиц Каслинской и Кыштымской. Правый берег реки был занят дремучими лесами. На степную левую сторону реки Миасс пригоняли стада на летовку башкиры. В шалаше жил башкир-рыбак, у которого башкиры-пастухи выменивали рыбу на свои продукты. Так продолжалось из года в год. Но однажды прибывшие на летовку башкиры не нашли своего земляка и его шалаша. Шалаш был разрушен, а на том месте, где он стоял, валялся беспризорный челяк, или по-башкирски селяк (челяк – деревянная посуда, ведро). Рыбака с его шалашом не стало, но башкиры продолжали пригонять стада на полюбившееся им место с хорошими кормами и водопоем. И то место, где жил рыбак, стали называть «место, где селяк», или «место, где найден был челяк».

Красивое предание, и недостаток у него, на наш взгляд, лишь один – не имеет такое название корней, нет в нем самодостаточной, вне поясняющей его истории, силы. В контексте «корней» гораздо интереснее другая версия. На ландкарте, составленной в 1735 году по приказу

полковника Арсеньева геодезистом И.Шишковым, на месте будущей крепости показаны «речка Селябка» и «бор Селябской». По мнению профессора Г.А.Турбина, башкирское название бора – «Селеби (Челеби) Карагай» - и дало название крепости. Подтверждает эту гипотезу и свидетельство Иоганна Георга Гмелина, который, побывав в Челябинске в 1742 г., то есть всего шесть лет спустя после основания крепости, написал: «...а имя свое [крепость] получила от ближайшего к ней, находящегося выше на южной стороне реки бора, по башкирски – Чилибе-Карагай».

Вариантов же «дешифровки» топонима Челеби – множество. В.В.Поздеев считает, что Челеби (Чалеби) состоит из двух частей: «чале» -яма, овраг, ложбина, и «аб» - речка, и отсылает нас к названию речки Челябки (она впадала в Миасс аккурат возле крепости, радовала горожан еще и в середине прошлого столетия, а новым поколениям неизвестна, т.к. ныне заключена в «темницу», упрятана в подземные трубы, дабы не мешать потомкам первопоселенцев). Близкую точку зрения высказывает Р.Х.Бадретдинов, который говорит, что в древнем башкирском диалекте «силяба» означала впадину, неглубокую, но большую по размерам яму. Этот взгляд очень может быть правдой – стоит только посмотреть на наш город сверху, скажем, с холма, на котором ныне располагается северный автовокзал, а прежде, возможно, стояли башкирские коши.

Интересна и гипотеза профессора А.К.Матвеева, который производит топоним Челяба от тюркского «чаляб» - «бог» и от «чаляби» - божественный, священный. И тогда Чаляби-карагай – это «священный лес», лес, принадлежащая творцу, небесная роща. Каково?!

Ну, а если вспомнить, что «чаляб» - это еще и просто «господин», «хозяин», то получим менее пафосный, менее громкий, но не менее интересный вариант: «лес господина», «лес хозяина», даже – «лес писателя».

5

Как же обживался этот «священный лес» нашими предшественниками? В 1737 году указом Сената была учреждена Исетская провинция, и в 1743 году Челябинск стал ее административным центром. Произошло это благодаря начальнику Оренбургской комиссии, а позднее губернатору Оренбургской губернии И.И.Неплюеву, который лично посетил ряд слобод и крепостей для того, чтобы выбрать оптимальное место для дислокации воеводы и провинциального правления. Неплюев докладывал в Сенат: «Что касается до провинциального правления, то оному определено ныне быть в Челябинской крепости... для того, что помянутая крепость жилым всем довольнее и просторнее и как к Башкирии, так и к Русским жилам способнее». Такое решение немало способствовало росту города, сыграло оно свою роль и позже, в период Пугачевского бунта, так как именно центральный город провинции должен был обратить на себя главное внимание восставших.

Естественно, что новообразованная Исетская провинция получила свой герб. В «Челябинской анкете» 1761 года читаем: «А герб хотя и есть, токмо не на одну ту Челябинскую крепость, но состоящий и на всю Исецкую провинцию; для оной Исецкой провинциальной канцелярии только печати, а знаменует: в щиту стоящего верблюда, а около того щита вокруг по сторонам знак воинского оружия и знамена, а сверх щита государственная корона, а около короны и одного оружия надпись такова: «Ея императорского величества печать Исецкой или Зауральской провинции». Герб этот просуществовал до 1781 года. В этот год правительством была осуществлена административно-территориальная реформа (о причинах и последствиях которой мы скажем несколько позже), провинции были упразднены, и Челябинский уезд вошел в состав вновь организованного Уфимского наместничества. Этот поворот в судьбе города ознаменовался

и получением (8 июня 1782) собственного герба. В верхней его части было изображение бегущей куницы, являвшейся основным элементом герба Уфимского наместничества, а в нижней – изображение навьюченного верблюда, который символизировал торговую роль города и напоминал о том, «что в сей город оных довольно с товарами приводят». В 1796 году наместничество было преобразовано в Оренбургскую губернию, и в связи с этим в верхней части герба Челябинска вместо бегущей куницы появился герб Оренбурга (двуглавый императорский орел, голубая полоса, символизирующая реку Урал, и Андреевский крест). Однако по-видимому этот герб не был окончательно утвержден, т.к. на протяжении всего 19 века челябинские учреждения использовали старый герб Исетской провинции. В советское время город остался без герба, и лишь в начале нового тысячелетия герб, выполненный по мотивам и на основе первоначальной символики, был возвращен Челябинску. Как и в гербе Исетской провинции, в новом гербе города центральное место занимает верблюд. Символизирующий сегодня роль Челябинска как крупного торгово-промышленного центра, стоящего на перекрестке великих путей современной цивилизации, он одновременно может рассматриваться как аллегория мудрости, верности, преемственность и терпения.

6

Но вернемся в прошлое. Получив в 1743 году новый статус, крепость обрела и новые привилегии для переселенцев и торговых людей, что привело к немедленному росту населения и качественному изменению его состава. Казаки, бывшие на момент превращения Челябинска в административный центр провинции едва ли не единственными ее постоянными жителями, постепенно покидали город, а собственно городские сословия постепенно росли. К 1768 году в городе наряду с казачьими (317) и солдатскими (100) дворами было 66 дворов купцов и ремесленников, 39 дворов чиновников, 26 – разночинцев (служащих провинциальной канцелярии) и 11 дворов духовенства.

Учрежденная в 1743 году в городе ярмарка не стала в то время особенно значительной, как мы сможем прочесть чуть ниже в анкете 1761 года (где даны ответы на вопросы, сформулированные тогдашней Академией наук), однако определенно подстегнула развитие торговых отношений: «В Челябинской крепости знатных ярманок не бывает, но токмо гостиной двор деревянной имеетца и с товарами, а купцы приезжают русские и татары из городов Казани и Тобольска, а привозят сукна, китайки, выбойки разных цветов, холсты, сапоги, башмаки мужские и женские, чай, сахар, коты, ленты разные, зеркала, бумагу пишущую, чернила китайские, мыло и прочие мелкие рухляди. А сверх того и челябинского посаду купцы в том гостином дворе купечество имеют, а за товарами ездят в вышеописанные города и на Ирбитскую ярманку, а привозят те ж товары. Учрежденного ж торгового дня в торговле не имеют, а торгуют и каждой день, кому как случитца, а в базаре торг имеют потому ж небольшой, но всякой день, а более в воскресной».

Рост численности и активности купеческого сословия лучше всего говорит о том, что в сороковые годы 18 века Челябинск переживала свой «золотой век». «Все больше становилось предприимчивых людей. За ничтожную плату брали в аренду огромные территории. Челябинский посадский Авраам Мухин в апреле 1747 года арендовал целое владение – Каят-реку с верховий до устья «для рыбных ловель, хмельных промыслов» сроком на два года с платежом в казну 1 рубль 60 копеек в год. Челябинский атаман И.Севастьянов завладел целым озером Егильды с платою в казну в год 50 копеек. В городе и по всей провинции строились мельницы, кузницы, кожевни, овчинные заведения, красильни, мыловарни, стекольные заводы, шляпные мастерские... Челябинские купцы были крупными посредниками по сбыту промышленных

изделий и металла с заводов в Троицке – центре меновой торговли со Степью. Кайсаки меняли тысячные стада лошадей и баранов на хлеб и железо... Челябинск, как центр провинции, ведал добычей и сбытом стратегических продуктов: хлеба, соли и вина... Под началом И.И.Неплюева Челябинск прокладывал тракты, поощрял заведение заимок и деревень вдоль трактов, торговлю со степняками. П.Бахметьев руководил строительством в самом Челябинске» (А.И.Потерпеева).

Вероятно, увеличившееся в это время строительство привело к дальнейшей вырубке челябинского «священного» бора, которое началось в первые же годы после основания крепости. Академик И.-Г.Гмелин, посетивший наш город в 1742 году, писал в своей книге «Путешествие по Сибири»: «В этой местности очень много прекраснейших полей, здесь отлично вырастают все виды злаков. До последнего времени достаточно было леса, вблизи же он в основном уже вырублен, и сейчас его приходится привозить. Рыбы в этом месте очень мало. Но озера, богатые карасем, не очень далеки». Вообще, вид тогдашней долины Миасса должен был сильно отличаться от известного потомкам. Река эта, по словам В.А.Протасова, изначально представляла собой «большой ручей, для перехода с одного берега на другой моста не было, пешеходы удовлетворялись переброшенными через ручей несколькими жердочками, а конные совершали переправу бродом. Только с устройством плотин при водяных мукомольных мельницах ручей Мияс постепенно начал углубляться и расширяться, приняв затем наименование реки». В анкете 1761 года читаем об этом следующее: «Водяные мельницы колесчатые для молотья хлеба построены с деревянными плотинами и загачиваны землею и назьмом в местах окружности Челябинской крепости». Соответственно, можно предположить, что именно в этот период река и стала менять свой естественный облик. Тогда же, очевидно, был наведен через нее и первый мост, поскольку крепость активно росла, расширялась, «выплескивая» дома своих обитателей и на левый берег Миасса.

Там, в Заречье, в декабре 1768 года была освящена и своя церковь, Троицкая. Однако здание ее не было новым. Это был первый в городе храм, Никольский, построенный в конце 30-х годов и располагавшийся на пересечении нынешних улиц Труда и Цвиллинга. Иоганн Гмелин писал о нем в 1742 году так: «Чуть ниже крепости на свободном месте стоит церковь Святого Николая, где уже два года ведутся службы». В 1743 году, после провозглашения Челябинска административным центром, этот небольшой деревянный храм с колокольной стал главным в Исетской провинции. Естественно, что вскоре началось строительство нового храма, каменного Христорождественского собора (1748-1766), призванного заменить Никольский. И по окончании строительства по просьбе живших за рекой казаков старую церковь перенесли туда.

7

Итак, импульс, заданный России Петром I, не прошел даром. Империя расширялась, используя все новые опорные точки; государственная машина, направляемая с 1762 года твердой рукой Екатерины II, наращивала обороты, стремясь добиться в своей работе предельной эффективности. Государственные мужи, привлеченные императрицей в помощники, мыслили по-европейски, трезво и рационально, не особо учитывая российскую крестьянскую ментальность. Несколько утрированно обобщая, можно сказать, что русский мужик виделся им, вероятно, некоей долготерпеливой податливой массой, которую можно было формовать по своему усмотрению, в соответствии с великими нуждами развивающегося колосса империи. Что ж, до времени так и было. Однако в какой-то трудноуловимый миг незримая черта была пересечена, и «русский бунт, бессмысленный и беспощадный», вспыхнул с неведомой прежде силой.

Основной движущей силой и инициаторами восстания выступили яицкие казаки, в течение всего XVIII века последовательно терявшие свои привилегии и вольности и зачастую едва

сводившие концы с концами. Не менее тяжелым было и положение крестьян. После появления в 1767 году указа императрицы, запрещавшего жаловаться на помещиков, зависимость крестьян от хозяев по сути превратилась в рабство. Возрастающие вследствие непрерывных войн, которые вела страна, и развития рынка государственные налоги приводили к их обнищанию. Недовольство царило и на быстрорастущих заводах Урала, и среди кочевых племен башкир, татар, казахов, и т.д. Таким образом, вспыхнувшее в сентябре 1773 года на Яике восстание казаков стало распространяться с огромной быстротой.

8

Восставшие под предводительством донского казака Емельяна Пугачева, называвшего себя императором Петром III, двинулись на Оренбург. Параллельно они рассылали по всем направлениям своих посланцев, которые должны были поднимать народ и формировать новые отряды. Эмиссаром восставших в Исетской провинции стал полковник И.Н.Грязнов. Ему было поручено и взятие Челябин. Работные люди южноуральских заводов, казаки и башкиры стали основой дружины Грязнова. Если в декабре 1773 года его боевой отряд состоял только из 700 человек, то к началу января 1774-го, когда он вошел в Кундравинскую слободу и Чебаркульскую крепость, под его командованием было уже около пяти тысяч. С такой силой можно было идти на приступ административного центра.

Естественно, что в Челябинске готовились к нападению. Город был обнесен бревенчатым заплотом, рогатками и надолбами. Воевода А.П.Веревкин, располагавший лишь провинциальной ротой, задержал в городе артиллерийскую команду из 105 человек, а также по распоряжению сибирского губернатора Д.И.Чичерина получил подкрепление в виде рекрутской роты (еще 127 человек). Кроме того, в декабре 1773 в Челябинск прибыли 1443 временных казака «из окрестных крестьян, навестанных на время бунта». Впрочем, они практически не были вооружены, да и настрой их, как и большей части горожан, вызывал немалые опасения. «Ежели по отпуске из города артиллерии,- писал Веревкин командующему войсками Сибирской крепостной линии генералу И.А.Деколонгу,- хотя бы один казак из злодейской толпы сюда ворвется, то может предать в злодейские руки все население города...» Веревкин верно оценивал ситуацию. Еще до подхода к крепости отрядов Грязнова часть казаков, поддерживавших Пугачева, подняла восстание. Утром 5 января 1774 года они под руководством атамана М.Уржумцева и хорунжего Н.Невзорова захватили пушки, стоявшие на площади вблизи дома воеводы, и, расправившись с его слугами, ворвались в дом. Избив воеводу и его помощника регистратора А.Колесникова, они не пощадили и оказавшихся случайно поблизости двух женщин, сестру умершего прокурора Анну Благово и его старуху-мать, что, конечно, немало характеризует умонастроение и нравы восставших. Бросив растерзанную старуху в доме, казаки связали остальных пленников и за волосы и ноги потащили их в войсковую казачью избу. Однако здесь в происходящее вмешались подоспевшие на шум канониры арткоманды во главе с поручиком Пушкаревым. Они отбили у казаков орудия и освободили пленных. При этом часть восставших (64 человека) были схвачены и помещены под караул. Среди пленных оказался и организатор бунта Михаил Уржумцев. Как водилось в те суровые времена, он тут же был подвергнут допросу с пристрастием и через 17 часов умер. «Под жесточайшим плетью битьем» он показал, что вступил в переписку с Пугачевым, жаловался «императору» на воеводу Веревкина и, «согласясь с хорунжим Наумом Невзоровым и другими казаками, порешил сделать нападение на воеводу с тем, чтобы, как его, так и всех прочих командиров перегубя, провинциальным городом завладеть».

Между тем 8 января утром к городу уже подступило многотысячное войско Грязнова. Перед тем как начать штурм, Грязнов передал горожанам два письма, в коих убеждал их сдаться.

Письма эти по-своему уникальны, т.к. исчерпывающе передают умонастроение и идеологию восставших. Приведем несколько фрагментов: «...Всеми свету известно, сколько во изнурение приведена Россия, от кого же? – Вам самим то небезызвестно. Дворянство обладает крестьянами, то хотя в законе божием и написано, чтоб оне крестьян так же содержали, как и детей, но оне не только за работника, но хуже почитали собак своих, с которыми гоняли за зайцами. Компанейщики завели премножество заводов и так крестьян работою утрудили, что и в ссылках тово никогда не бывало, да и нет... Дворянство же премногощедрого отца отечества великого государя Петра Феодоровича за то, что он соизволил, при вступлении своем на престол, о крестьянх указать, чтоб у дворян их не было во владении... изгнали всяким неправедным наведением. И так чрез то принужденным нашелся одиннадцать лет отец наш странствовать, а мы, бедные люди, оставались сиротами, а ныне отца нашего хотя мы и старание прилагаем возвести, но дворянство и еще вымысел сделало, назвать так дерзко бродягою, донским казаком Пугачевым, а напротив того еще наказанным кнутом и клеймы имеющим на лбу и щеках... А пропади тот, кто государю не желает добра, а себе самому, следственно... вверенные мне о его императорского величества войска на вас подвигнуть вскоре имею и тогда уже вам самим, рассудите, можно ли ожидать прощения. Мой же совет: для чего напрасно умирать и претерпевать разорение всем вам, гражданам? Вы, надеюсь, подумаете, что Челябинск – славной по России город и каменную имеет стену и строение – отстоица! Не думайте, предел от Бога положен, его же никто прейти не может...»

В этот же день орудия Грязнова (пять или шесть пушек) на протяжении трех часов обстреливали крепость, но без особого успеха. 10 января штурм продолжился. Как писал в своем рапорте в Сенат воевода Веревкин, повстанцы «тысячах в пяти с осьмью пушками на город Челябинск учинили сильное нападение, с коими и сражение происходило часов с пять, которое от того артиллерию отбиты». Несмотря на то что пугачевцы сделали по городу более ста выстрелов ядрами и картечью, а также усиленно обстреливали его из ружей и из луков, жертв среди защитников крепости не было. По-видимому, не было жертв и среди нападавших, однако один из инициаторов бунта в крепости, хорунжий Невзоров, которому 5 января удалось бежать, 10 января был схвачен под стенами Челябинска, подвергнут пыткам и в тот же день умер.

Интересно, что, как выяснил краевед И.В.Дегтярев, и Уржумцев, и Невзоров были в числе первопоселенцев Челябинска и происходили из крестьян. Михаил Уржумцев оказался в крепости вместе со своим 63-летним отцом и четырьмя братьями в самый год ее основания, ему было тогда семь лет, а Наум Невзоров прибыл на поселение в начале 1740 года в возрасте девяти лет вместе со своим дедом. Таким образом, жизнь обоих этих казаков практически на всем ее протяжении была связана с Челябинской крепостью: она стала для них родиной, вырастила их, в битве за нее они нашли свой конец.

10 января Грязнову стало известно о приближении к Челябинску войск генерала Деколлонга, который выступил из Верхнеяицкой крепости на помощь осажденному гарнизону. Не желая вступать в бой, Грязнов счел за лучшее вернуться в Чебаркуль, оставив для блокады города мелкие отряды башкир и казаков. В конце января он вновь привел к Челябинску свои отряды и, обосновавшись в деревне Першиной, снова попытался уговорить жителей сдать город без боя. 1 февраля генерал Деколлонг, упреждая новый штурм, сделал с частью своего корпуса вылазку за стены крепости. Ему удалось взять в плен 180 пугачевцев и захватить две пушки, однако это никак не могло повлиять на исход противостояния. Окруженный со всех сторон, генерал, вероятно, опасался, что повстанцы надолго заблокируют его корпус и не позволят выполнить приказ главнокомандующего о защите от повстанцев Сибири и Екатеринбургских заводов. Поэтому 8

февраля он оставил город, направившись в сторону Шадринска. Вместе с регулярными войсками Челябинск покинули почти пять сотен жителей и служащие провинциальной канцелярии.

Заняв крепость, люди Грязнова первым делом разгромили винный погреб и сожгли архивы. На несколько месяцев они стали единовластными хозяевами города. Однако в целом события подходили к своему перелому. Регулярные войска правительства явно превосходили восставших дисциплиной, выучкой, наконец, они были гораздо лучше вооружены. И хотя многочисленные потери первое время не смущали Пугачева, за которым шли «все новые холопы империи», гибель его лучших сподвижников, напряжение месяцев борьбы и многочисленные неудачи не могли не сказаться на боевом духе повстанцев.

10 апреля 1774 года закончилось время «вольной Челябы» - город был без боя взят отрядом под командованием секунд-майора Д.Гагринна. И еще ровно девять месяцев оставалось до казни самозваного императора Петра III - донского казака Емельяна Пугачева, принесшего народу весть о свободе, весть, которая обернулась великим насилием, нечеловеческой жестокостью и реками крови.

9

Одним из последствий Пугачевского бунта стала проведенная правительством России спустя несколько лет после окончания восстания административно-территориальная реформа. В 1781 году Исетская провинция прекратила свое существование, страна была разделена на наместничества, а в 1797 году наместничества были упразднены и было восстановлено деление на губернии. Потерявший статус административного центра, первоначально Челябинск был отнесен к Пермскому наместничеству, но уже весной 1782 вошел в состав Уфимского, а затем, после реорганизации наместничества в Оренбургскую губернию, стал одним из ее уездных городов. В этом качестве ему предстояло оставаться более ста лет, вплоть до революции 1917 года.

Начиналась новая эпоха – эпоха, которую, например, историк Н.М.Чернавский назвал «периодом уездного захолустья»...

ГОРОД КАК ДРЕМОТА

1

Итак, по мнению большинства историков, к концу 18 века Челябинск вступал в новую эпоху – город ожидали впереди едва ли не сто лет неспешного, медлительного, унылого существования, без особых событий, без взлетов, без «громких свершений». Характеризуя самый конец этого периода, один современник писал: «Так и жили люди, коротая свои беспросветные дни, месяцы, и годы». Что ж, в каком-то смысле так оно и было. Крестьянское восстание Пугачева словно выявило некую долго копившуюся и не нашедшую цивилизованного выхода психическую энергию народных масс. Эта в исходной точке творческая энергия невиданной силы, не имея возможности быть направленной на созидание, не имея возможности самопреобразовываться и преобразовать своих носителей, выродилась в слепую стихию, стала энергией разрушения, выплеснулась вовне хаосом и агрессией. Не в этом ли причина и корни всех «русских бунтов»?

Петр I, стремясь ввести Россию в русло цивилизации и во многом копируя западный уклад жизни, задал стране невиданный доселе ритм, навязал невиданный стиль. Стиль, вошедший в глухое и глубокое противоречие с архаикой народных ритмов. Преобразуя фасад здания, он не смог или не захотел коснуться внутренних покоев. Впрочем, смотря с несколько другой точки,

можно осмелиться утверждать, что Петр лишь стал для России тем, кем был для всего мира Иисус. «Не мир принес я вам, но меч» и разделение. Быть может, Петр и был для России той «карой Господней», тем орудием небесного промысла и тем «судией», который поставил русского человека перед выбором: или-или... Или стремительная, в русле нового эона, трансформация самого ядра народной души – или смерть. Или трансформация через принятие этико-культурных ценностей христианской (западной) цивилизации, в рамках которой идет работа по преодолению разрыва между сакральностью молитвы и профанностью будней, - или усиление поляризации народной души и – в конечном итоге – гибель.

Не последний ли скорбный сценарий выбрал народ, сделав ставку на Пугачева? И не повторилось ли то же спустя сто с лишним лет, когда место Пугачева заняли Ульянов со товарищи?..

Собственно, чтобы избежать подобного сценария, и предприняла Екатерина, среди других шагов, разделение страны на более мелкие административные территории (наместничества), одним из следствий чего и стало превращение Челябинска в заурядный уездный город. Но можно, однако, предполагать, что не потеря статуса провинциального центра стала для Челябинска главной причиной снижения градуса активной, творческой жизни.

Рассказывая далее о становлении города, мы постараемся сделать акцент именно на нравах горожан (благо, материалов достаточно), ибо развитие любого сообщества есть лишь проекция умов людей, его составляющих.

2

Город, лежащий на берегу Миасса, на рубеже веков больше походил на деревню. В начале 19 столетия в нем было всего три каменных дома. Деревянным же избам сопутствовало традиционное крестьянское хозяйство – амбары, завозня, скотный двор, огород. Это и понятно, ведь главным занятием горожан в то время по-прежнему оставались «упражнения в хлебопашестве». Даже еще в 1837 году оренбургский гражданский губернатор И.Л.Дебу писал, что «торговля и промышленность челябинских обитателей весьма не значительна... нет ни фабрик, ни заводов... даже многие мещане занимаются хлебопашеством». Об руку с последним шло и скотоводство. В конце 18 века у горожан имелось более трех тысяч голов лошадей и рогатого скота, который пасли за городом, на специально отведенном для этого обширном пастбище.

Территорию города в этот период можно примерно очертить линиями сегодняшних улиц Свободы, 8 Марта (левобережье), Васенко и К.Маркса. Главной улицей была Христорожественская (в конце 19 века – Большая, а сегодня – Цвиллинга), на которой располагалось большинство казенных учреждений. Идущей параллельно с ней Уфимской (Кировка) предстояло вскоре сделаться главной торговой улицей Челябины. Как пишет Н.Н.Алеврас, к этому времени «город разделился на две неравных части: самая большая находилась на правом берегу Миасса, вторая – на левом (Заречье), и совсем небольшая – Заречейная, за Игуменкой. На правом берегу находились все учреждения... Здесь же были самые большие в городе жилые дома именитых горожан... Но даже в центре не было тогда никаких признаков городского благоустройства: ни мостовых, ни водопровода, ни канализации, ни уличного освещения». Действительно, улицы Челябинска начали мостить каких-то сто (с небольшим хвостиком) лет назад, а до этого времени состояние их полностью зависело от погоды и удачного либо неудачного расположения. К тому же застраивались улицы весьма хаотично, бывали очень узки, дома нередко «выпирали», перекрывая проезжую часть. Вот что пишет об этом в своих воспоминаниях, посвященных Челябинску второй половины 19 века, В.А.Протасов: «...до 1873 года разрешением на постройку ведал городничий, нисколько не заботившийся о благоустройстве

города. Съезжая, например, с моста через площадь на Екатеринбургскую улицу (бывшая Уфимская, ныне – Кирова.- Прим. Ред.) на самой середине ее лет 50 тому назад вы встретили бы дом, по обе стороны от которого был проезд, составлявший не более трех аршинов, всегда, с весны до осени, заполненный липкою, с зловониями, грязью. В Заручейной части города, тотчас за дрожжевым заводом, был особый поселочек домишек в 80, с такими узкими улочками, что, неожиданно встретившись с кем-либо из проезжих, повернуть лошадь назад на летнем ли, зимнем ли экипаже было невозможно... Грязища в этом поселочке ужасала: казалось, и солнце, и ветер после обильных дождей были бессильны предотвратить это неблагоустройство, которым, кстати, «славился» и сам город».

Изменить эту ситуацию удалось лишь после 1872 года, с введением городского самоуправления, которому «немало пришлось потратить и времени, и денег, чтоб исправить кривизну улиц и выровнять фасады домов». В своей работе самоуправление опиралось на утвержденный еще в 1838 году Николаем I план развития города, который предусматривал для всех российских городов «прямоугольную уличную сетку». К сожалению, благоустройство улиц было выполнено прежде, чем в широкий обиход вошел фотоаппарат, и мы сегодня лишены возможности лицезреть причудливые извивы изначальных челябинских улиц.

3

По Уфимской улице проходил в то время почтовый тракт, соединявший Екатеринбург и Троицк. «По ней почти непрерывно двигались... обозы с хлебом, мясом, салом, кожами, шерстью и другими товарами. Обрато возчики везли зимой разный товар с Ирбитской ярмарки, а в остальное время – железные изделия и чугунное литье с заводов Урала... Перед мостом через реку Миасс в ожидании покупателей-возчиков обыкновенно располагались торговки печеным хлебом и всякой снедью, содержание которой определялось временем года, а именно зеленым луком, огурцами и т.п. Во время страды, когда в город стекалось много косцов и жнецов (башкиры при этом всегда следовали целыми семьями), «калашницы», как называли этих торговок, бойко вели свое дело. Располагались они прямо на земле под открытым небом, сидя или на скамейках, приносимых с собой, или прямо на тротуаре вдоль водосточной канавы. Места были не нумерованы, занимали их калашницы бесплатно, из-за чего возникало немало ссор. Каждая, конечно, расхваливала свой товар, при этом между самыми «энергичными» случались зачастую перебранки и даже потасовки.

Летом обычно волна покупателей спадала. Торговцы мануфактурой на Соборной площади по-прежнему как бы по привычке открывали свои лавки от нечего делать (редко кто в это время заглядывал к ним в лавку), один по одному подходили к калашницам, подразнивая их, шутили:

- А ловко вы, бабы, объегориваете мужиков прокислым хлебом.

Этого было достаточно, чтоб по адресу лавочников полетели обвинения:

- Сами-то вы гнилье сбываете, аршинники! Оглянулись бы на себя, чем нас позорить!

- Да ведь недаром же тебя Анисья вчера плехой назвала?

Чаша терпения оказывалась переполненной: Анисья обвиняла Марию в присвоении цыпленка, Дарья величала Анюту сухой и т.п. Поднимался крик, шум, а лавочники нет-нет да и подольют, как говорится, масла в огонь каким-нибудь бесцеремонным замечанием. Если бы вся эта перебранка калашниц, что называется, не резала ваших ушей, вам удалось бы познакомиться с лексиконом самых мерзких выражений и ругательств...» (В.А.Протасов).

Итак, торговля. Пожалуй, что наряду с хлебопашеством и скотоводством, а также с участием по нарастающей горожан в золотодобыче, она составляла для них главную область приложения сил, определяла, как писала Н.Алеврас, экономическую сущность города, превращая Челябинск «в

один из значительных ярмарочных центров Урала, в важное звено сложившихся в первой половине 19 века прочных ярмарочных цепей». Действительно, первоначально основная торговля в крепости, вырвавшейся в город, проходила посредством ярмарок. Две из них, весенняя и зимняя (обе они звались Никольскими, т.к. были приурочены к Николину дню, храмовому празднику первой построенной в Челябинской крепости церкви), берут свое начало едва ли не с момента основания города, третья, сентябрьская (Ивановская), начала складываться к концу 18 века и звалась в народе «луковой», поскольку главными ее товарами были овощи, прежде всего лук, который привозили крестьянки из окрестных деревень. В 70-е годы к этим ярмаркам добавится еще четвертая, Соборная, на которой торговали домашними животными и продуктами животноводства.

Вообще, ярмарочная торговля в Челябинске развивалась неравномерно. Отчасти повлияло на нее понижение статуса города до уездного. В 1816 году, к примеру, «из 8 семейств купцов третьей гильдии торг товарами производится от 2 семейств, да и то не всегда в городе». Постепенно ситуация менялась, и в 1829 году количество купцов достигло 36. Следующий спад пришелся на сороковые-пятидесятые годы и лишь после реформы 1861 года начался новый подъем, так что в 1863 году в городе насчитывалось уже 318 купцов. Товары на наши ярмарки привозили из Казани, Кунгура, Екатеринбургa, Кургана, Шадринска, Верхнеуральска, Троицка, с Нижегородской и Ирбитской ярмарок. Основными видами товаров были хлеб (его большими партиями скупали купцы для перепродажи на уральские заводы и военным), рыба, домашний скот, пушнина, кожа, шерсть, мануфактура, бакалейные товары, железо. По словам Н.Н.Алеврас, «челябинские ярмарки стягивали, главным образом, крестьян, торгующих татар, башкир, мещеряков, ведущих мелочный торг и не выкупавших специальных торговых свидетельств, как это делали более крупные торговцы... Крестьяне из близлежащих деревень привозили на продажу свои ремесленные изделия. Они же являлись основными покупателями «красного товара», главным образом, бумажных тканей. «Мелочный товар» скупали, как правило, так называемые «ходебщики», которые развозили его потом по деревням. Чай в большом количестве закупали татары, в значительной мере для перепродажи...»

Традиционно, ярмаркам в те времена предшествовал молебен, проходил крестный ход, поднимался государственный флаг, палили пушки, располагавшиеся у моста через реку, и начиналось торжище. «От обилия ломились торговые ряды не только на ярмарочной площади... Временные лавки-шатры, навесы, полки-прилавки возникали на соседних улицах и пустырях... Товар красный – дорогой, не для всех – в лавках при Торговой площади. Под открытым небом ему никак не место – испортишь. Местные хозяева теснились, пускали на ярмарочный постой, конечно, не за здорово живешь. Ярмарочные ряды выступали на главную торговую улицу города – Уфимскую, которая была сплошным базаром... На Уфимской улице при выезде на тракт торговали мясом, птицей, рыбой, маслом да салом. Особенно много было пернатой дичи, битой и сетями ловленной. Богаты водной дичью челябинские озера, богаты и рыбой... Сенный да дровяной торги в 1818 году, а хлебный и толкучий рынки через сорок лет были переведены из «города» в заречное предместье: очень уж просторны, хлопотны да неопрятны... На сенном базаре дух луговой. Сенцо в возах хоть чай заваривай. Здесь же дрова – бревнами, а для ленивых да занятых – поленьями. Здесь и «толчок» - толкучий рынок. Краем ярмарки была Троицкая площадь в Заречье. Там, на пустоземелье, меж церковью и кладбищем, грудился... скотский базар. Сюда на ярмарочную мену пригоняли лошадей и овец степняки, приводили своих буренок окрестные селяне» (А.П.Моисеев).

В 1881 году весь ярмарочный торг, изрядно стеснявший горожан четыре раза за год, был перенесен на обширный окраинный пустырь у городского бора, прежде служивший выгоном для скота. И надо полагать, что сделано это было вовремя. Город уже входил в новую полосу своей истории, переставал быть заштатным «бедным городишком» (как отозвался о нем в дневнике поэт Василий Жуковский, проезжавший мимо вместе со своим подопечным, цесаревичем Александром летом 1837 года), и ярмарки в какой-то мере теряли свою «культурно-развлекательную» функцию, столь значительную прежде. Вот что пишет об этом сохранивший для нас в своих воспоминаниях сам дух и колорит той эпохи умница Протасов:

«Город переполнен приезжими торговцами и покупателями... Все радужно настроены. На Соборной площади и примыкающих к ней улицах тесно, как огурцам в бочке. Но что случилось? Нищий украл у торговки деревянную ложку. Заметив это, торговка дала возможность нищему отойти, а затем, нагнав его, достала ложку из кошелька нищего, куда он откладывал подаяния, принялась бить растерявшегося вора по щекам, приговаривая:

- Не воруй! Не воруй!

Натешившись вдоволь, торговка опустила обратно в кошелек нищего ложку и утихомирилась:

- Прими, Христа ради!

А рядом разыгралась еще одна драма: какая-то приезжая, а может быть просто пришедшая на ярмарку женщина, из местных, стащила у ярославских «краснорядцев» кусок выбойки (так назывался дешевенький материал по три или четыре копейки за аршин, употреблявшийся в деревнях для нижнего белья). Несчастную поймали, долго били и, наконец, развернув выбойку, обмотали ею женщину с ног до головы и толкнули в грязную лужу. После долгих усилий, кое-как освободившись от стеснявших пут, вся в грязи, женщина, сбросив выбойку в лужу, поплелась куда глаза глядят. Но ярославец нагнал ее, потребовал взять выбойку в «награду» за позор, угрожая в противном случае свести похитительницу в полицию.

- Бери, дура! – слышалось из толпы.

Нерешительно, с глубокой скорбью на измазанном грязью лице, женщина собрала выбойку и при полном удовлетворении насладившееся зрелищем толпы, обессиленная, побрела с ярмарки».

Жестокий век, жестокие сердца! – в пору воскликнуть нам здесь вслед за поэтом. Впрочем, у нас еще будет возможность поговорить о жесткости и жестокости тогдашних нравов. Пока же, используя в качестве проводника Протасова, не упустим шанс лицезреть иное, весьма ярко характеризующее эпоху и людей той эпохи, действо: «Некто, по имени Велизарий, устраивал к Пасхе на площади, где сегодня Пушкинский сквер, балаган с марионетками. Велизарий, скрываясь за перегородкой от сцены, говорил разными голосами кукол, помещавшихся выше переборки. Две куклы, изображая встретившихся мужиков, обыкновенно ссорились между собой из-за пустяков, наконец, дело доходило до драки, на сцене появлялась третья кукла, изображавшая квартального, который и старался примирить ссорящихся, но так как это квартальному не удавалось, то он ударял одного по щеке, другого толкал в затылок, и куклы скрывались за перегородкой, куда исчезал и квартальный. Следовал коротенький антракт, во время которого играла шарманка, изредка похрипывая, посвистывая и скрепя, как неподмазанная телега (шарманка, должно быть, была такая же старая, как сам владелец ее Велизарий). Затем на сцену выходили два мальчика в трико и развлекали публику акробатическими номерами: кувыркались на подмосте, ходили на руках, один растягивался на полу, другой, взявшись руками под его затылок, ставил его на ноги, как окаменевшее существо. Этим и заканчивалось представление: квартальный, несколько свесившись за переборку, благодарил «почтеннейшую публику за посещение». Шарманка вновь заводила свою мелодию, и все повторялось...

На этой же площади устраивалась круглая качель, а по соседству с нею стояли две-три телеги с пряниками, орехами и дешевенькими «конфетами». Тут же мужчины «метали орла» и катали печеные крашенные яйца с лотка на подчищенный на земле круг. Если яйцо, скатившись по лотку, ударится о встреченное на кругу, а потом заденет еще одно или два – это считается выигрышем. Если прокатится, минуя расставленные яйца,- пригрыш, в этом случае яйцо игрока остается на кругу. И наоборот, с круга игрок снимает те яйца, которые задел его биток, последний он вновь пускает с лотка, пока не проиграет, т.е. пока его биток не прокатится мимо расставленных яиц, тогда настанет очередь следующих воспользоваться лотком».

5

Вот такие игры для «взрослых детей» были в ходу в позапрошлом веке у наших предков.

Можно предположить, что, по-видимому, интерес к подобным играм и зрелищам в то время и в этом месте был едва ли не всеобщим. Слишком тонким был в Челябинске в начале и середине 19 столетия «культурный слой», слишком убого-тривиальными в тогдашнем имперском захолустье были сами формы человеческого бытования. Какая-то кромешная «недоделанность», тотальная половинчатость, недостойная человека «одноклеточность» режет глаз при знакомстве со многими свидетельствами той эпохи. Словно со страниц Андрея Платонова пришли эти люди в крепость, расположились здесь, собираясь жить, да задумались... И так, беспросветно задумавшись, и простояли столетие...

И то сказать, с возникновением и ростом небольших городов формировались в России 19 века новые социальные слои, новые сословия. Крестьяне, попадая в поле притяжения городского уклада, постепенно забывали свои традиции, их столетиями складывавшийся образ жизни терял свою ритуальную самодостаточность, вырождался до пустой формы; архетип русского крестьянина размывался под влиянием других сословий, проверялся на прочность мечтами о легкой жизни, исходящими от заезжих людей, золотоискателей и проч.

Город того времени был и кузницей и болотом – одновременно. Город был рубиконом, камнем преткновения, тиглем, в котором выплавлялись жизнелюбие и творческая воля одних, и зависть, неприятие себя, своей судьбы и приводящая к слепой агрессии бесчувственность других... Пройдет не так уж много времени, и эти процессы, выкристаллизовавшись окончательно, приведут к невиданному идеологическому расслоению общества, к невероятному ментальному хаосу и дисбалансу, апофеозом которого станет новая братоубийственная смута.

Но вернемся в Челябинск начала и середины века 19-го. В это время, как уже говорилось, формировался в городе новый тип людей, широко мыслящих, предприимчивых, умеющих отвечать за свои поступки. Это были преимущественно выходцы из крестьян или, реже, из мещанского сословия, природным умом, трудолюбием и устремленностью наживавшие свои первые капиталы. Это были люди действия, которых не смущала аморфная заскорузлость и неповоротливость российского бытования. Это были – в большинстве своем – люди этического действия, и последний тезис замечательно подтверждается многочисленными фактами купеческой благотворительности и равнодушия к судьбам отечества и соотечественников. Их, в сущности, было очень немного, но эффект их пассионарного существования был непропорционально велик. Именно их усилиями наш город последней трети 19 века оказался внутренне готов к тому качественному скачку в новое, который на физическом плане окончательно оформился благодаря строительству челябинской очереди Западно-Сибирской железной дороги. Об этом, впрочем, мы намерены подробнее сказать в следующей главе.

Кто же были эти люди?

К началу 19 века в Челябинске проживало чуть более 2,5 тысяч человек. Из них к 1811 году купцов в городе было 64 души. И хотя спустя полвека количество их увеличилось всего лишь в два раза, путь, пройденный новым сословием (путь созревания и внутреннего развития), можно без преувеличения назвать огромным.

«В первой половине 19 века,- говорит Н.Н.Алеврас,- по масштабу торговых операций и состоятельности выделялось несколько семей челябинских купцов: Смолины, Шиховы, Плотниковы, Поповы. Самыми богатыми были Ахматовы и Мотовиловы. Максим Сидорович Ахматов, состоятельный человек, владелец двух ветряных мельниц, лавки в гостином дворе и четырех магазинов, положивший начало мукомольному делу и торговле зерном и мукою, занимался благотворительностью». Благодаря его пожертвованию было куплено для города здание, в котором разместилась первая городская больница. Он избирался бургомистром и городским головой. «Сыновья Василий и Феокист продолжили дело отца: торговали хлебом, маслом, салом, кожами. Каждый имел по большому дому и содержал солидное хозяйство... К середине 19 века приоритетные позиции среди купечества города занимает семейство Мотовиловых. Глава семьи Андрей Афанасьевич в начале столетия был мещанином и имел небольшой деревянный двухкомнатный дом. Но у него была ветряная мельница, позволившая, по-видимому, перейти уровень скромного существования. Его старший сын Андрей становится купцом и самым богатым человеком в городе. В 50-е годы за ним числится три деревянных дома (шести-, семи- и восьмикомнатных), двухэтажный каменный дом, состоящий из 10 комнат, 12 амбаров, четыре торговые лавки, две из которых были каменные, салотопенная фабрика, мыльня. Купцом становится и другой сын Мотовилова – Алексей... В руках купечества сосредоточивалась и городская власть. Так, М.С.Ахматов в начале 19 века избирался бургомистром, городским головой. Его сын Феокист также выбирался на должность городского головы. А.А.Мотовилов в начале столетия, будучи в мещанском звании, избирался городским старостой и ратманом. Его сыновья-купцы выполняли различные городские службы, в том числе выбирались и на должность городского головы. Высокие городские должности от ратмана до городского головы занимали купцы Плотниковы, Блиновы, Смолины, Поповы... Привлекают внимание и судьбы некоторых мещан, занимавшихся торговлей, но до 60-х годов не вышедших из этого сословия. По данным городской Думы, в 1847 году наряду с купцами торговлю по специальным свидетельствам вели 15 мещан. В обывательской книге за 1817 год был записан 42-летний М.С.Самохвалов, основным занятием которого было названо «медное мастерство». Его семья из восьми человек проживала в доме из двух комнат. Через 30 лет новая обывательская книга вновь зафиксировала его семью. К этому времени с отцом остались только младшие дети. Теперь Самохвалов занимался торговлей, имел уже два дома, каждый из трех комнат, две торговые лавки, увеличилось количество хозяйственных построек. После реформы 1861 года мы встречаемся с потомками Самохвалова, перешедшими уже в купеческое сословие. Таким образом, торговая прослойка города являлась наиболее зажиточной частью населения, концентрировавшей в своих руках экономическую и политическую силу».

Естественно, что становление купечества шло не без влияния тех редких для Челябинска 19 века, но оттого особенно значимых людей, которых сегодня мы называем интеллигенцией. К их числу относился, например, Корнилий Иванович Покровский, возглавивший в 1837 году городскую больницу и проработавший в ней 35 лет. Первый в Челябинске практикующий хирург, он был одновременно владельцем располагавшихся за городом мельницы и спиртоводочного завода и, возможно, занимался разработкой золотых приисков, о чем может свидетельствовать его пространная докладная записка о развитии золотопромышленности в Оренбургской губернии

– документ по-своему удивительный, ибо открывает перед нами натуру человека свободного, хорошо образованного, широко, по-государственному мыслящего и неравнодушного. Немудрено, что трое сыновей, имевших такого отца, играли в жизни города также роль уникальную. Получившие столичное образование, они вернулись в родные пенаты и на протяжении десятилетий работали во благо челябинцев. Промышленники и меценаты, основатели биржи и общественной библиотеки, либералы по убеждениям, они были также общественными деятелями: Василий и Владимир Покровские избирались городскими головами, а Иван депутатом Государственной думы 3-го созыва.

В первой половине 19 века заметной фигурой в городе был уездный врач Василий Григорьевич Жуковский. Он приехал в город в 1786 году вместе со Степаном Семеновичем Андреевским в составе специальной сенатской комиссии, целью которой было изучение неизвестной болезни, год за годом уносящей жизни многих жителей края. Три года изучая болезнь, названную им сибирской язвой, Андреевский сделал вывод о ее инфекционном происхождении (с чем были не согласны иностранные медики). Чтобы подтвердить свою точку зрения и ответить на ряд других невыясненных вопросов, он решился на героический шаг – сделал себе прививку из язвы больного человека. Пока позволяли силы, Андреевский вел «скорбный листок» (как называли тогда историю болезни), далее это делал уже В.А.Жуковский, который, к счастью, сумел выходить больного. Через несколько лет Андреевский оставил наш город, Жуковскому же суждено было обосноваться здесь навсегда. Творческий и сострадательный человек и блестящий врач, он организовал первую в Челябинске больницу, дом его стал центром притяжения для всех культурных людей города. Здесь проводились музыкальные вечера, отмечались важные события, а именины Василия Григорьевича «ожидались всеми как народные праздники, и все тогда стремились к нему – и поклониться дорогому имениннику, и повеселиться от души».

Отдельно следовало бы сказать и о духовенстве города. По словам В.С.Боже, «челябинское духовенство в 19 веке значительно изменилось. На смену малограмотным, не без пороков служителям церкви прошлого века пришли и пастыри, имевшие за плечами духовное училище или семинарию. Среди них было немало таких, которые пользовались любовью и уважением горожан. Как о человеке умном, честном и образованном, книжнике и замечательном проповеднике отзывались современники о священнике Александре Андреевиче Орлове (1835-1907). Протоиерею Александру Николаевичу Протасову (1818-1891) в знак высочайшего уважения горожане поднесли золотой с драгоценными камнями крест, изготовленный на собранные по общественной подписке деньги». А воспоминания сына А.Н.Протасова, секретаря городской Думы и страстного краеведа Василия Александровича Протасова, мы не раз цитировали в нашем очерке.

7

В.А.Протасов учился в свое время в Челябинском духовном училище и оставил о нем очень интересные свидетельства. Посвятим этому училищу несколько строк и мы.

Училище это было открыто в 1830 году и просуществовало без малого век. До него в городе работала лишь возникшая в 1779 году школа русской грамоты, предназначенная для обучения детей духовенства и закрывшаяся в 1814 году. Свидетельства о быте и нравах учеников и учителей духовного училища в разные периоды 19 века красноречиво показывают нам состояние общества в то время. Когда в 1873 году член-ревизор учебного комитета при Св. Синоде С.И.Миропольский приехал с инспекцией в Челябинск, взору его представилась плачевная картина. «Ни один предмет не преподавался как следует... Обучение шло совершенно механически, все усваивалось

только памятью; объяснения учителей были схоластические и маловразумительные для детей; тексты Священного Писания заучивались неправильно, и ученики не понимали их смысла; собственные ответы учеников были бессвязны и показывали недостаточность их познаний... [налицо было] плохое знание первоначальных молитв и неправильное перстосложение для крестного знамения». Естественно, что во многом причина такого состояния была в преподавателях. Среди них попадались просто уникальные по своей свирепой дремучести экземпляры, каковым, например, был И.А.Орлов, сначала инспектор, а затем и глава всего училища. «Орлов слыл в городе человеком «историческим» - в том смысле, что о нем в Челябинске рассказывалось много скандальных историй» (А.И.Конюченко). Он постоянно с кем-то дрался, кого-то избивал, однажды «ползал на карачках по двору и кричал: «Завладею всей Европой!» «Преподавая греческий язык, смотритель наводил ужас на учеников и обращался с ними с такой свирепостью, что они боялись его и чувствовали нерасположение даже к его предмету» (Миропольский). Учеников он, действительно, не щадил: раздавал оплеухи и затрещины, драл за волосы, ставил на колени на парту (этот особый вид наказания описывает подробно в своих мемуарах Протасов), порол и т.д. Иногда после таких экзекуций ученикам приходилось оправляться по неделе.

Впрочем, и последние, впитывая нравы захоластья, что называется, с молоком матери, были во многом достойны своих преподавателей. А.И.Конюченко пишет: «Как и ученики многих других духовных училищ, челябинцы отличались грубостью нравственного облика. В книге поведения были отмечены, к примеру, такие, видимо, типичные случаи. Один великовозрастный балбес «скакал сзади на малютку Боровинского, потом поставил его на четвереньки и заставил везти себя, одно чудо только... могло спасти позвоночный столб от повреждения». Другой ученик сломал товарищу руку; третий бросался в столовой с вилкой в руке на соседа; четвертый дрался с казаком, обвинявшим его в любовной связи со своей женой. Распространены были игры в карты на деньги... Внешний вид большинства соответствовал поведению. Одежда многих, по словам Миропольского, представляла «тряпье, почти рубища, да еще цветное, цыганское». В классе некоторые сидели в тулупах, у других из-под жилетов были выпущены рубашки, по моде ямщиков. В классе ученики громко зевали, сопели, сморкались, при вопросах к классу все разом начинали кричать, в перемену устраивали кучу-малу так, что «дым коромыслом... рычание, крик, бляение, свист, все роды звуков», и нередко отдых в перемену заканчивался потасовкой... Обстановка в обшарпанных классах довершала картину, не нарушая ее целостности: «парты изрезаны, сломаны, иные покосились, разваливаются, полы некрашенные, вытертые, ободранные, классные доски стертые...» Впрочем, реформа 1867 года многое изменила в этом положении, изменились штаты училищ, программы и т.д. Очевидно, однако, что тут действовала не сама по себе реформа – налицо было изменение состояния умов, состояния всего общества. Возрастала социальная активность, самосознание граждан, их чувство причастности к переменам, происходящим в государстве.

Но изменения шли медленно. В отчете Ф.А.Альбокринова, в 1877 году занявшего пост смотрителя Челябинского училища, читаем: «По отношению к начальствующим и учащим ученики не умеют держать себя, как должно, ибо одни выглядят забитыми, приниженными, во всем проявляют рабский страх, всячески избегают встречи с начальством даже на улицах города, закрываются и бегут опростометью в сторону, другие, напротив, в обращении с ними выказывают фамильярность, непочтительность и даже грубость... тот, например, примет в присутствии надзирателя курьезную позу и вдруг разразится громким смехом, другой ответит дерзостью, упорно запираясь в проступке; третий кинет комком бумаги в учителя пения...» Не правда ли, многое тут напоминает и наше сегодня. А вот дальше: за три года парты были «обезображены,

изрезаны, измараны, истребление их, можно думать, шло систематически... заборы училищного двора испещрены разными вырезками; ученики не отстали еще от дурной привычки чертить мелом на заборах, стенах и дверях училищных зданий различные выражения и слова, иногда оскорбительные для нравственного чувства, и рисовать карикатурные изображения, сюжетом которых бывают лица начальствующие и наставники...»

По мнению А.И.Конюченко, в этом сказывалось влияние дореформенной системы воспитания, построенной на страхе, а не на внутреннем убеждении поступать так, а не иначе.

Но как бы медленно не шли изменения, они стали ощутимы уже с начала 1880-х. Местное духовенство регулярно выделяло на нужды училища немалые суммы, и это, в частности, позволило кардинально изменить условия существования и быт учеников, бывший до реформы просто убогим. На эти деньги было выстроено в центре города и новое двухэтажное здание училища.

Вообще, то обстоятельство, что в 80-е годы 19 века училище стало лучшим среди подобных заведений губернии (и по подготовке учащихся, и по уровню преподавания, и по бытовым факторам), многое говорит о том периоде челябинской истории. Люди этического действия, купечество и интеллигенция, как бы мало их ни было, сумели повернуть колесо провинциальной истории, сумели структурировать хаос провинциальной безытности, сумели развернуть «захудалый городок, правда, «хлебный», но мертвый, как болото, где изредка лопаются пузыри и слышится глухое урчание», лицом навстречу жизни.

ГОРОД НА ПЕРЕЛОМЕ: ПРОТИВОСТОЯНИЕ

1

По общему мнению исследователей, резкие изменения в жизни города в конце 19 века связаны со строительством трансматериковой магистрали, предназначенной соединить центр России с Уралом, Сибирью и Дальним Востоком. 6 января 1885 года император Александр II принял решение о том, что эта магистраль пройдет через Уфу, Златоуст и Челябинск, а не через Казань, Екатеринбург и Тюмень, как предполагалось ранее. Несомненно, что выбор в пользу нашего города был сделан отнюдь не случайно. Он стал следствием непрекращающихся усилий лучших представителей челябинского общества. Усилий, направленных на вытягивание Челябинки из провинциальной трясины. Для Челябинска это решение явилось судьбоносным. Начиная с 1892 года (когда первый паровоз пришел на челябинский вокзал из Златоуста), он оказался в эпицентре тех общественных процессов, которые поначалу породили бурный рост экономической и социальной активности населения, а спустя недолгое время привели народы России к открытому братоубийственному противостоянию и превратили стремительно входящую в русло цивилизации и культуры страну в концентрационный лагерь, занявший 1/6 часть суши.

Изучая материалы по истории города дореволюционного периода, не можешь отделаться от странного чувства – словно перед тобой два города, живущие своей отдельной, обособленной жизнью. С одной стороны – стремительный экономический рост, благотворительная деятельность купцов и промышленников, рост общественного самосознания, возникновение общественных организаций и кооперативного движения, продуманная политика городской Думы, стремящейся в своей деятельности учесть нужды всех социальных слоев. С другой – целенаправленная разрушительная активность большой части рабочих и разночинцев (пропаганда классовой ненависти, стачки, забастовки, создание боевых отрядов и т.д.), не приемлющих все происходящее, даже не пытающихся либо же попросту не способных понимать всю сложность

процессов, в которые вовлечена Россия, не желающих видеть позитивной динамики охвативших страну перемен. С одной стороны – открытость и движение навстречу новому, стремление соучаствовать в реформаторской деятельности государства, изменить самое духовное пространство родного города, с другой – глухое недовольство, переходящее в открытую ненависть, презрение к иному и непонятному, ориентация исключительно на материальные условия жизни.

Воистину, железная дорога, ворвавшаяся в размеренное существование старой Челябины, не просто привнесла в город новые ритмы и условия существования, она прошла рубиконом по самим сердцам горожан, она выявила долгое время скрытые под спудом душевные движения. Стала точкой отсчета для новой Смуты.

2

Призванная соединить перенаселенную европейскую часть России с огромными пустующими землями за Уралом, Транссибирская магистраль уже на этапе своего строительства продемонстрировала миру уровень русской инженерной мысли, организованности, технической мощи, наконец, способность удивительно эффективного сотрудничества разных сословий во имя объединяющей их цели. Дорога преображала само пространство, по которому проходила, привнося в быт городов и поселков новейшие достижения цивилизации. Дорога резко активизировала экономику прилегающих регионов, и на Челябинске это отразилось немедленно. Вот что писал в 1909 году В.А.Весновский: «Характерная особенность Челябинска – это чисто американский рост его. Начавшийся с проведением железных дорог, он не прекращается и теперь. Сооружение новых построек в городе не приостанавливается даже зимой. Застраивается всякий пустырь, на котором можно что-нибудь построить; там же, где пустырей нет, - как, например, в центральных улицах – там небольшие деревянные домики заменяются двух- и трехэтажными громадами... Что касается торгово-промышленной стороны, то нельзя не признать, что в этом отношении значение Челябинска в настоящее время очень большое... Это – одна из крупнейших в России промежуточных станций, с которой в год отправляется до 25 000 вагонов и принимается до 15 000 вагонов... Общий оборот всех торгово-промышленных предприятий простирается свыше 20 миллионов рублей. Насколько в городе развита торгово-промышленная жизнь, может говорить уже одно то, что в нем находятся: биржа, пять банковских учреждений, три банковских агентства, таможня 1-го класса, десятка два различного рода контор и проч... Главнейшая отрасль городской торговли – хлеб, который стягивается сюда из всего Приуралья, перемалывается на здешних мельницах и сбывается частью на горные заводы и промыслы Урала, а частью – во внутренние губернии России. Значительное количество зернового хлеба экспортируется и за границу. В городе имеются отделения таких известных хлебных фирм, как Луи Дрейфуса, Мюллера и К и других. Общий вывоз зерновых и хлебных продуктов из Челябинска достигает более 15 миллионов пудов... Челябинск производит также весьма крупную торговлю сельскохозяйственными машинами и орудиями... В последние годы весьма значительную роль начинает играть маслоделание. В настоящее время в Челябинском и части Троицкого уезда работает более сорока кооперативных маслодельных заводов, артели которых обнимают до 90 казачьих поселков... Выделка кож и продажа их составляет одну из старинных отраслей промышленности и торговли. Торговля степным скотом и продуктами животноводства также имеет значительное развитие... Наконец, нельзя не отметить еще одну, развивающуюся с каждым годом, новую отрасль торговли, именно торговлю лесом... Особенно крупное значение получило чайное дело. В таможню поступает в год до 400 000 ящиков, или до 1,5 миллионов пудов чая... Вместе с ростом города получила большое распространение так называемая мелочная торговля. В каждом квартале имеется по несколько лавочек, торгующих всем, что требуется жителям данного

околотка. Развитие мелочного торга на окраинах вызывается отсутствием удобных и дешевых способов передвижения, а также ужасающей уличной грязью... Промышленная жизнь Челябинска пока еще не получила большого развития. В данное время город переживает еще период «первоначального накопления»... Тем не менее, зачатки промышленности уже имеются...»

Сильно менялся и сам облик города. «Зауральский Чикаго», как называли его тогда, поражал гостей своими контрастами. С одной стороны, в городе разворачивается грандиозное по тем временам строительство, появляются яркие, современные, с продуманной эстетикой здания, в первую очередь Народный дом (ныне – Театр юного зрителя), торговый дом Валеева, пассаж братьев Яушевых, Реальное училище, дома хлеботорговца Холодова, магазин купца Стахеева, дом Бреслина, особняк Данцингера и т.д. Строятся здания мечети, синагоги, костела. С другой стороны, у стороннего наблюдателя нередко возникает ощущение, что «по своему внешнему виду город походит на большую деревню, в которой вдруг разбогатели обыватели и принялись за спешную постройку складов, банков, биржи, таможни и т.д.» Эти наблюдения, сделанные А.М.Нечаевой в 1909 году, кажется, не очень далеки от истины. И далее она продолжает: «Улицы [в городе] большею частью немощеные... Во время дождя проезд по городу является почти невозможным. Лошади вязнут, колеса экипажей утопают даже и на мощеных улицах. В сухую же погоду малейший ветерок поднимает по всему городу целые вихри ужасной все съедающей пыли. Многочисленные площади изборозжены по всем направлениям следами экипажей, с кучами сжигаемого поезда, щебня... Красноречивым украшением городских мостовых являются застрявшие там и здесь калоши неопытных и вновь прибывших в город пассажиров. В мелких калошах ходьба по городу буквально невозможна...»

А вот как описывает Челябинск побывавший в нем примерно в то же время В.Н.Гартевельд: «...Челябинск можно смело назвать – «город, который смеется». Это, конечно, не добродушный смех Вены, не задорный смех Парижа, это, пожалуй, даже не смех, а скорее какая-то гримаса, но гримаса веселая. Это гримаса хулигана, обделавшего хорошее «дело» и у которого появились деньги. На станции огромное движение, так как она представляет собой узловой пункт, а между тем, она очень мала, и люди буквально сидят друг на друге. Публика тут удивительно разношерстная. Евреи (комиссионеры по хлебным делам), русские, переселенцы, ссыльные, кавказцы, киргизы – все давят друг друга, курят, выпивают и почти все время смеются... Мне пришлось побывать почти во всех городах европейской и азиатской России, но смело ручаюсь, что ни один город не носит такой поразительной и исключительной физиономии, как Челябинск... Это какой-то «вольный город», для которого законе не писан... место, где всё и все стоят выше закона... Нравы Челябинска много зависят от того, что он является каким-то распределительным пунктом для ссыльных (больше всего уголовных) и что последних собирается в городе до 2000 человек... В городе стоит батальон войск, есть острог и все прочее. А нравы, между тем, тождественны с далеким западом Америки. Закон каждый носит с собой в кармане в виде «браунинга», так как с наступлением темноты без такого «аргумента» никто на улицу не выходит».

Судя по многочисленным свидетельствам того периода, автор книги «Каторга и бродяги Сибири» вряд ли сгущает краски. Челябинск рубежа столетий, оказавшись в роли «проходного двора» между Азией и Европой, притягивал к себе не только светлые головы. В человеческом водовороте, закрученном с запада на восток (хотя было и обратное движение – отток тех, кто уже успел разочароваться), большинство составляли крестьяне-переселенцы, искавшие за Каменным поясом лучшей доли. Земли в европейской России не хватало, земельные наделы крестьян были малы и часто не обеспечивали пристойного существования, поэтому-то переселенческий бум, поддержанный правительством, охватил массы народа. Были здесь и представители других социальных групп, в том числе маргинальных.

Известно, что люди, оставившие свой дом для «лучшей жизни», мыслят иначе, нежели аборигены. А если таких людей тысячи и миллионы? (По статистике, за время существования челябинского переселенческого пункта через него прошло около пяти миллионов человек.) Напряжение, на грани отчаяния, легкость, на грани опьяненности, девальвация прежних ценностей и отсутствие новых – все это вариации синдрома «утраты корней», и этим, несомненно, болела тогда Россия.

То, что даже такие светлые умы, как Столыпин и Витте, мыслили для России выходом и исходом (речь о «разгрузке» европейской России благодаря заселению России азиатской), было, возможно, иллюзией спасения, бегством от назревших проблем, соблазном механического их решения. Как одна из составляющих системы мероприятий, призванных облегчить гнет крестьянского быта, переселение, скорее всего, имело право быть, но не должно было оказаться центральным пунктом, панацеей в вопросе снятия социальной напряженности. На деле же вышло, что и так стремительно утрачивавшая свои корни под мощными ударами капиталистической реальности, во многом инертная и темная, крестьянская масса потеряла последний свой якорь, последнюю связь с истоком,- была перерублена сакральная нить, связывавшая крестьянина с матушкой-землей.

Хорошо видна эта «опьяненность» крестьянства, это бесшабашное отчаяние веселья русского человека, от которого рукой подать до бунта, в одном маленьком эпизоде 1896 года (зарисовку эту делает в своей статье Ананий Кузнецов, корреспондент «Оренбургских губернских ведомостей» в Челябинске): «...через эту станцию [Челябинск] проезжает масса переселенцев, коих особенно много было в начале сего лета и скапливалось их в день до 14 тысяч человек, расположившихся, за отсутствием жилых для того домов... - на площади в березовом лесочке, под открытым небом. И досталось от дождя этим искателям хорошей земли – лучших урожаев, чем на местах их родины! Предусмотреть это было трудно, а поэтому винить за него никого нельзя. Но от этого переселенцы хуже не стали, т.к. лишь только дождь перестал, как они, подобно урагану, кинулись в березняк и стали его рубить и ломать, а затем настроили себе шалашей, после чего послышалось русское пенье, заиграла гармоника и послышалось посвистыванье и притоптыванье... Вот каков русский мужик! «Гром грянул – он перекрестился», а перестал – начались песни и пляски!..»

Итак, строительство Транссиба до неузнаваемости изменило жизнь города. Не по дням, а по часам росло население. Если в 1892 году в Челябинске проживало всего 7 500 человек, то через пятнадцать лет – 67 304 человека. Добираясь до Южного Урала, многие переселенцы оставались здесь, ибо, как писала в 1909 году А.М.Нечаева, «перевалив через горы, чувствуешь себя здесь точно попавшим в другую страну... Вместо обычных причитаний о землице слышишь обыкновенно: - Слава Богу, земли-то хватает... Управиться бы только Бог силы послал». А оставаясь, со временем перебирались в город, где пополняли ряды рабочих, ремесленников, прислуги. Согласно проведенной в Челябинске в 1897 году переписи, бывшие крестьяне (и большинство из них были приезжие) составляли самую большую группу населения. Многочисленны были также рабочие, поденщики, прислуга, мелкие служащие. А вот «чиновников, представителей администрации, просвещения и культуры, духовенства... то есть лиц, которые представляют городскую элиту и выражают буржуазное развитие и культуру», по подсчетам Н.Н.Алеврас, в Челябинске было меньше, чем в других городах Урала. И наоборот,

«более высоким был процент деклассированных элементов, состоявших из лиц, лишенных свободы, без определенных занятий, проституток и пр.». Перепись 1897 года также показала, что мигранты уже тогда составляли более 40 процентов от всего населения города. Очевидно, они были готовы на любую работу, селились в основном на окраинах и в массе своей не были обременены пиететом перед приютившим их местом. Челябинск все больше напоминал собой Вавилон, «город с гримасой смеха», росла преступность, росло чувство неустроенности, и уже начинали свой отсчет первые годы нового века.

Естественно, что старожилам Челябы, тем, кто не был вовлечен во все нарастающее противостояние между хаосом «отрыва от корней» и упорным стремлением структурировать и окультурить, оформить пространство города, пространство всей России для созидательной жизни,- этим старожилам оставалось только ностальгировать о минувшем: «Спокойное и размеренное существование Челябинска в 19 веке сформировало в нем особую культуру и почти патриархальную атмосферу. Сами горожане считали свою родную Челябу средоточием «всего свежего, неподдельного; здесь всё попросту, пахнет стариной, но стариной более похвальной: с хлебом-солью для всякого доброго человека» (Л.М.Конев).

Чтобы закончить тему города-Вавилона, приведем еще две цитаты.

Н.Н.Алеврас: «Жители окраин были, в основном, людьми пришлыми: железнодорожные рабочие и мастеровые, переселенцы, застрявшие на пути в Сибирь, мелкие торговцы и просто деклассированные элементы. Городская полиция, в штате которой было всего 50 городовых, старалась не появляться на окраинах. Приезжие селились и в самом городе. Огромная масса принесла с собой незнакомые прежней патриархальной Челябине суетливость, рост преступности и заразных заболеваний».

А.М.Нечаева: «...многочисленный класс челябинского населения составляют железнодорожные служащие. Они преимущественно населяют крупные поселки, расположенные около станции: Николаевский поселок, Колупаевку и знаменитый «Порт-Артур», который возник в печальную годовщину падения крепости Порт-Артура на Дальнем Востоке. Поселок этот представляет собою обширную площадь, застроенную в высшей степени бессистемно самыми разнообразными постройками, начиная от тесовых изб с палисадниками и кончая лачугами, сложенными из гнилых железнодорожных шпал. Нередки здесь и землянки, вырытые прямо в земле и обложенные хворостом... Худой славой пользуется этот поселок, скрывая в своих закоулках немало преступных людей, пьяных забулдыг и даже беглых каторжан. Вообще с общим развитием и обогащением города отбросы общества из «Порт-Артура» беззастенчиво орудуют на городском шоссе и на окраинах, как только спускаются над городом сумерки. Воровство и убийства здесь вещь заурядная, в особенности с тех пор, как Челябинск стал местом уголовной административной ссылки».

Может быть, не стоило бы останавливаться на этих «гримасах века» столь подробно, если бы не одно «но». Эти «гримасы» оказались приметой городской жизни многих будущих десятилетий. И главное – эти гримасы и впредь порождались теми же причинами, которыми были вызваны изначально. Город, его обитатели утратили свои корни.

5

Повторим еще раз: первые два десятилетия нового века были для Челябинска переломными еще (и главное!) потому, что стали апофеозом противоборства двух диаметрально противоположных мировоззрений. Хаосу новоявленных «хлестаковых от сохи» противостояла жизнеутверждающая философия людей этического действия, священнослужителей, интеллигенции, купцов, предпринимателей и промышленников, наконец, простых горожан,

«обывателей», преданных своему городу, своей стране, своему государю. Их каждодневными усилиями в эти два десятилетия Челябинск, несмотря на всевозможные «гримасы», сохранял человеческий облик, «человеческое лицо». И несмотря на энтропию последующих, советских, десятилетий крупницы тех достижений, отзвуки тех поступков согревают нас, жителей города, еще и сегодня.

Лаконичными фразами, почти буднично говорит об этом Н.Н.Алеврас: «...значительные капиталы, обращавшиеся в Челябинске, позволили в начале 20 века последовательно заниматься городским благоустройством. Городское самоуправление... успешно решало многочисленные задачи, стоящие перед горожанами и городским хозяйством. Городская дума, управа деятельно решали вопросы просвещения, здравоохранения и санитарии, развития коммунального хозяйства, пожарной охраны, помощи обездоленным, надзора за торговлей. Лишь на нужды народного образования городская дума в предреволюционные годы расходовала до 20% бюджета». Естественно, за словами «городское самоуправление», «городская дума» стоят имена конкретных людей. Одним из этих людей был А.Ф.Бейвель (1867-1939). Врач по специальности, сельский лекарь, кроме широких познаний, очевидно, обладавший недюжинной интуицией и обаянием, т.к. пациенты перед ним просто преклонялись, он стал на рубеже веков городским врачом, а в 1903 году был избран городским головой и трижды переизбирался на эту должность.

Быть может, главным для города качеством нового головы была его уникальная порядочность. «Надо вести себя порядочно»,- любил повторять Александр Францевич. Очевидно, в его устах это слово значило очень много. «Этичность» - вот, пожалуй, его точный синоним. Именно человеком этического действия и был Бейвель. «Во время еврейского погрома [в октябре 1905] он лично выезжал в город, пытаясь урезонить погромщиков: «Немедленно прекратите! Евреи ни в чем не виноваты. Они такие же люди, как и все остальные...» Говорят, что он вызвал пожарных и велел водой из брандспойтов разогнать черносотенцев... Он не разделял левых взглядов и в 1905 году во время рабочего митинга на Александровской площади (ныне Алое поле) вышел к рабочему митингу и призывал его участников разойтись по домам. Он считал любые бунты бессмысленными... Перед революцией он отойдет от политики и [впоследствии] будет лечить одинаково и красных, и белых» (А.С.Скрипов).

6

Хочется сказать в этом контексте несколько слов и о Василии Михайловиче Колбине (1854-1911), который кажется нам почти эталонным воплощением образа предпринимателя. Потомок казаков-первопоселенцев Челябинской крепости, основательный человек, отец многочисленного семейства, придерживавшийся строгих правил, как говорили в то время (мы же, опять-таки, не преминем использовать здесь синоним «этика»), он до последних дней своих сохранял удивительную душевную подвижность. Некое творческое начало в нем не знало покоя, стремилось излиться вовне фонтаном новых (и всякий раз удачно воплощаемых!) замыслов. Челябинску очень повезло с этим неугомонным «взрослым ребенком».

В 1903 году Колбин подал в городскую думу прошение о постройке “завода электрической энергии” (электростанции), и в 1905 году завод этот, размещенный во дворе его дома по ул. Сибирской (ныне ул.Труда), начал работать, снабжая электричеством фонари на трех главных улицах города: Сибирской, Уфимской (Кирова) и Большой (Цвиллинга). Еще не была запущена электростанция, а Колбин уже загорелся новой идеей – построить в городе телефонную станцию. «Работа началась в 1905 году и развернулась прямо-таки с американской скоростью, - рассказывает правнучка купца Е.Б.Рахоцевич.- Слух о постройке телефонной линии молниеносно облетел весь город. Самые смелые, а возможно, любопытные 75 человек подали заявки... 20

января 1906 года, т.е. меньше чем через год, комиссия докладывала городской думе, что телефонная сеть общего пользования открыта. К 1910 году сеть насчитывала почти 200 абонентов. Благотворительные телефоны установили в городской больнице, пожарной части и городской управе... Любовь к электричеству привела Колбина к еще одной идее – построить в Челябинске электрический трамвай...» Шел 1906 год, можно себе представить, как восприняли эту идею современники. Так что трамвая, бегущего по улицам родного города, Василию Михайловичу увидеть было не суждено. Он появится в Челябинске спустя добрую четверть века.

Правнучка продолжает: «Бурная промышленная деятельность В.М.Колбина не исчерпывала его душевной энергии. А потому он активно занимался и общественной деятельностью. На протяжении многих лет прадед был гласным городской думы от казачества. При сборах средств на разные богоугодные дела фамилия Колбина всегда стояла в числе первых... Документы говорят, что Василий Михайлович надстроил второй этаж здания соборной церковно-приходской школы, построил первое мужское приходское училище, ремесленную школу, дав тем самым возможность получить образование мальчишкам из семей рабочих и мещан. Он видел в них будущих механиков, электриков, чертежников и слесарей, одним словом, людей новых профессий, так необходимых развивающемуся в промышленном отношении городу». Энергичный прагматик и человек дела, Колбин при этом играл на многих инструментах, особенно любил виолончель, на которой научился играть по слуху. Не удивительно поэтому, что в 1901 году, став председателем Вольного пожарного общества, он способствовал созданию при нем оркестра...

«Старожилы города долго помнили о Колбиных. Уже в 50-е годы был такой случай. Мои родители брали молоко у живущих недалеко стариков. Когда хозяин коровы узнал, что мама – внучка В.М.Колбина, он захотел увидаться с ней. Старик рассказал маме, что работал у деда кровельщиком. Был Колбин щедрым человеком. С рабочими всегда сполна рассчитывался, не зажимал копейку и хорошее угощенье ставил. И добавил: «Ты не верь, что говорят о нем нынешние горлопаны»... Кстати, каждому своему рабочему В.М.Колбин выстроил дом на собственные средства».

И, как финальный аккорд: «Прадед был особенно силен в той сфере, где доминирует сердце».

Какие неожиданные по отношению к предпринимателю (к бизнесмену, как сказали бы мы сегодня), какие удивительно точные слова! Было ли сердце у тех, кто в это же время проводил забастовки и маевки, готовил боевые отряды, выводил людей «на баррикады»? У них могло быть острое (и весьма субъективное при этом) ощущение несправедливости, могло быть что-то подобное состраданию, но можно ли сказать о них: «...сильны в той сфере, где доминирует сердце»? Ожесточение борьбы не позволяет помнить о сердце, и различать его импульсы способны тогда лишь редкие единицы.

7

Пример Колбина, пример Бейвеля, пример многих русских предпринимателей, меценатов, политиков, министров, наконец, пример самого «министра-президента» Столыпина показывают нам, что – осознанно или стихийно – но все силы лучших людей России той эпохи были направлены на структурирование отечественной ментальности, на распаивание едва тронутой целины российской заскорузлой косности, обособленности и замкнутости на себя, на творческую балансировку общественных отношений. Это был сизифов труд, но этот каторжный труд люди делали по велению сердца, и тут было бы неуместно разделение на большие и малые дела. Каждый, кто оказывался «по эту сторону», оказывался «в той сфере, где доминирует сердце»; совершая некую работу вовне, совершал одновременно незримое усилие по трансформации

собственной души, вкладывал во вневременную копилку духа. И на глазах изумленного мира, Россия во многих и многих областях обретала невиданную прежде оформленность, творчески выстраиваемый диалог различных общественных и государственных сил давал свои осязаемые плоды. Грандиозным примером этого могла служить Транссибирская магистраль, построенная в кратчайшие сроки гением русских инженеров и силами простых людей. А в масштабах Челябинска эталонным можно назвать переселенческий пункт, созданный при вокзале для помощи тем, кто перебирался за Урал в поисках лучшей доли. В задачи пункта входили регистрация и статистический учет переселенцев, оказание им медико-санитарной помощи, обеспечение их питанием и временным жильем, и т.д. В первые годы существования станции переселенцы довольствовались простыми бараками, которых к тому же не хватало. Однако с ростом переселенческого движения переселенческая администрация начала большое строительство. Вот как описывает «переселенку» в своих воспоминаниях проработавший на ней 16 лет Ф.И.Горбунов: «У Челябинского городского самоуправления была приобретена земля площадью восемь десятин. Постройки стали производить по плану, уже не барачного типа, а прекрасные деревянные здания. Высокие, светлые, с большими окнами и вычурной резьбой... [была построена] больница на 140 коек с рентгеновским кабинетом, родильным и операционным отделениями, амбулатория, столовая на 1500 человек на одну варку. Каменная баня с японской параформалиновой дезокамерой с пропускной способностью до 1000 человек в сутки. Прачечная. Светлые высокие бараки для переселенцев. Показательное осведомительное бюро с образцами почв, хлебных злаков, массой карт, фотоснимков колонизируемых районов... Пункт составлял маленький изолированный городок, обнесенный кругом железной решетчатой оградой в каменных столбах. Большие здания для переселенцев, больничные [здания] и квартиры служащих, расположенные по определенному плану, были окружены палисадниками с роскошными цветами на фигурных клумбах и цветущими деревьями. Улицы, расположенные вдоль и поперек пункта, были вымощены и обрамлены от природы растущими тут березами и насаженными тополями, представляли из себя широкие садовые, тенистые аллеи, содержащиеся в безукоризненной чистоте. За деревьями и цветами ухаживал специалист-садовник, обслуживавший имеющуюся на пункте оранжерею... Везде чувствовался строгий и внимательный хозяйский глаз. По торжественным дням здания пункта украшались флагами и гирляндами зелени, усаженной цветами. А по вечерам горели выставленные на зданиях громадные вензеля, обсыпанные разноцветными электрическими лампочками. В такие вечера пункт представлял обширный сад с массой цветов и зелени. Листья деревьев, трепеща от ветерка, блестели при электрическом свете, как металлические, меняя тона: то белые, как серебро, то темно-синие, как английская сталь, и играли своими пятнышками-теньями на чистых дорожках, образуя причудливые кружева. Это был поистине «культурный уголок Челябы».

Остается добавить, что с началом гражданской войны «многие здания пункта поразбились, оградки палисадников поломались. Многие деревья повреждены и погибли. Оранжерея и цветники уничтожены. Пункт принял жалкий, запущенный вид. В последнее время (1934 год.- Прим.ред.) пункт передан военному ведомству и начал восстанавливаться. Но до прежнего цветущего состояния еще далеко».

Переселенческий пункт в Челябине, его судьба... Какая горькая аллегория на все то, что произошло в 20 веке не только с нашим городом – со всей Россией.

ГОРОД В ОГНЕ

1

Новый век, как уже не раз говорилось, принес в Челябинск невиданное оживление. Мостились улицы, строились дома, процветала торговля. Открывались многочисленные фирмы и представительства русских и зарубежных компаний, биржа и банки, появились телефон и телеграф, электрическая станция позволила осветить улицы и дома искусственным светом. Горожане знакомятся с «живыми картинами» кинематографа, восхищаются появившимся на улице первым автомобилем. Организуются гастролы, народные гуляния, праздники и карнавалы. Город нет-нет да и навещают известные на всю страну люди, например, актриса Вера Комиссаржевская, звезда немого кино Павел Орленев. Осенью 1910-го побывал в городе премьер-министр Петр Столыпин.

Активность челябинцев проявилась, в частности, и в появлении первых общественных организаций. Возникают общество попечения о народном образовании, вольно-пожарное общество и общество правильной охоты, сельскохозяйственное общество и общество дошкольного воспитания, и т.д. и т.п. Быстро развивается кооперативное движение. Во всем этом – минимум формализма, буквы, рутины, людей ведет пробуждающееся понимание того, что они сами могут и способны выстраивать свою жизнь, во взаимном сотрудничестве и диалоге. Что-то сдвинулось в умонастроении россиян, они учатся ответственности, учатся самостоянию, постигают науку творческой, деятельной жизни.

Премьер-министр России П.А.Столыпин, вернувшись в сентябре 1910 года из поездки по восточной части страны, восхищался богатствами края, размышлял о его блестящей будущности и убежденно повторял: «Да, десять лет еще мира и спокойной работы – и Россию будет не узнать!» Но этих десяти лет ни стране, ни самому Столыпину отпущено не было. Спустя год он был убит в Киеве террористом-революционером.

2

Это убийство не было случайным или одиночным. Идеология террора, уже не одно десятилетие внедрявшаяся «новыми людьми» в русскую ментальность, пустила глубокие корни. Плотность убийств видных общественных и государственных деятелей была ужасающей, а сама атмосфера террора стала для европейской России вполне обыденной. Скажем для примера, что за несколько лет премьерства Столыпина на него было совершено более десяти покушений. Всего же с 1901-го по 1911 год жертвами революционно настроенных террористов и террористов-смертников стали около 17 тысяч человек.

В это же время в центральной России происходило «пробуждение» крестьянства. Революционная пропаганда, на фоне тягостной жизни и пассивности властей, пробуждала в темных массах простого народа долго вытесняемую агрессию «смутного времени». Как до революции 1905 года, так и после в центральных губерниях тлели и периодически вспыхивали крестьянские бунты. И лишь воля таких людей, как Столыпин, сумела тогда удержать страну от немедленного падения в бездну. Могло казаться даже, что в начале второго десятилетия нового века волна агрессии пошла на спад, что худшее осталось позади, однако это только казалось. Огромное крестьянское море, выведенное из более чем столетней летаргии, лишь поверхностно успокоилось, глухой ропот требовал выхода, призрак новой Смуты витал над Россией, и только кардинальные экономические реформы могли переломить ситуацию и выпустить этот пар.

Естественно, что Челябинск не был в стороне от этих процессов. Население его во многом, как уже говорилось, состояло из бывших крестьян, рабочих и так называемых «деклассированных

элементов», так что идеи насильственных перемен находили в городе немалую поддержку. Их росту способствовала нелегальная пропагандистская деятельность революционных эмигрантов, а также произвол чиновников и хозяев. Первым знаком, указавшим на зреющее недовольство, стали события 1902 года. Инициаторами их были рабочие открывшегося в Челябинске в 1898 году завода «Столль и К^о», производящего сельскохозяйственную технику и расположенного неподалеку от железнодорожного вокзала. Труд их был нелегким. Как вспоминал современник, «120 человек 12 часов подряд работали в сыром и холодном помещении при скудном свете, а утром и вечером – при тусклом освещении коптящих керосиновых ламп. Кипятку для обеденного чая не было. Почти против каждого на верстаке стоял небольшой закопченный чайник, из рожка которого время от времени тянул сырую воду потный рабочий. Труд не знал механизации, все двигалось мускульной силой. С шести часов утра до шести вечера ухали большие и мелкие кувалды, весь день стоял оглушительный треск молотков».

Сознание многих рабочих оказалось открыто для революционной риторики прибывших из Златоуста и Кусы пропагандистов, и на заводе возник революционный кружок, который заявил о своем существовании летом 1902 года. Тогда «через Челябинск шли большие партии политических ссыльных. Было решено пойти на вокзал, встретить арестованных и этим показать им свою солидарность. Как-то после работы человек 20 столлевцев явились на станцию. К группе столлевцев стали примыкать железнодорожные рабочие и пассажиры, находившиеся на перроне. На станционных путях стояло несколько вагонов с политическими ссыльными, с которыми рабочие через решетчатые окна завязали душевный разговор. Вскоре появились железнодорожные жандармы во главе с вахмистром Патровым и стали разгонять рабочих. Патров сильно обрушился на конвоиров-солдат, которые не обращали никакого внимания на происходящее. Столлевцы и примкнувшие к ним не расходились. Жандармы вызвали из комендантского управления солдат. Прибывший полувзвод солдат стал бить прикладами неповинующихся, жандармы, в свою очередь, усиленно помогали им бить рабочих. Кто-то из заключенных кричал через решетку окна: «Мерзавцы, не смейте трогать рабочих!» В вагоне громко запели: «Вихри враждебные веют над нами...» Явившийся из зала первого класса жандармский ротмистр приказал отвезти вагоны на дальний путь. Рабочие были избиты и разогнаны».

3

Это событие не имело прямого продолжения, однако 1905 год показал, что агитаторы «от революции» не теряли в Челябинске время зря: рабочие челябинских заводов, чаеразвесочных фабрик, железной дороги единым фронтом выступили против властей. Узнав о событиях 9 января 1905 года в Петербурге, они в этот же день провели митинг протеста, в апреле последовала стачка рабочих портновских мастерских, а 1 мая остановился завод Столля, прекратили работу некоторые рабочие железнодорожного депо. В этот день на окраине города состоялась маевка. И дальше события разворачивались стремительно. Рабочими была создана боевая дружина (к осени она насчитывала в своем составе уже 120 человек), члены которой проходили боевую подготовку, изучали тактику уличных боев, мастерили самодельные бомбы. «В середине мая большевики приняли решение о подготовке стачки железнодорожников... Забастовка остановила движение поездов. На станции скопилось несколько воинских эшелонов (шла русско-японская война, и поезда шли на восток непрерывным потоком.- Прим.ред). Попытка офицеров настроить солдат против рабочих не удалась. Напуганный развернувшимися событиями, начальник управления дороги заявил, что администрация будет платить за сверхурочные работы, увеличит

заработную плату поденщикам, отменит взимание штрафов и улучшит медицинское обслуживание железнодорожников» (Н.В.Овчинникова).

Осенью 1905 года революционное движение в стране вновь усилилось и в октябре вылилось во всероссийскую политическую стачку. 12 октября известие об этом дошло до города, и уже на следующий день к вечеру забастовка в городе, инициировали которую железнодорожные рабочие и их коллеги с завода Столля, стала всеобщей. Прекратили работу промышленные и торговые предприятия, учреждения, учебные заведения. Напряжение нарастало. 13 октября на Александровской площади, где бастующие планировали провести митинг, возникло первое реальное противостояние двух сил. Власти стянули к площади казачьи и солдатские подразделения, арестовали несколько человек.

Весть о царском манифесте "Об усовершенствовании государственного порядка" пришла в город 18 октября, на следующий день после его принятия. Несмотря на то, что манифест обещал даровать народу "незыблемые основы гражданской свободы", неприкосновенность личности, свободу совести, слова, собраний и союзов, привлечь к выборам в Государственную думу те слои населения, которые были лишены избирательных прав и т.д., несмотря на состоявшееся в Челябинске многолюдное собрание горожан, принявшее решение направить царю верноподданническую телеграмму, социальное напряжение в городе не спало: лидеры большевиков были настроены на продолжение конфронтации и борьбу «до победного конца». 19 октября рабочие под их руководством, отстранив охрану, ворвались в здание челябинской тюрьмы, заставили надзирателей выстроить заключенных в тюремном дворе и предложили даровать свободу тем из них, кто осужден «за политику». Никто из заключенных, однако, не захотел принять такое «освобождение».

Впрочем, и противоположный край «политической доски» уже был выведен из равновесия. Экстремисты черносотенного свойства быстро определили «виновных». 19 октября вечером «погромная нетрезвая толпа, подогреваемая черносотенной агитацией, хлынула на городские улицы. Раздался крик:

- Что, братцы, галдим, бей жидов!

Первой была разнесена кондитерская Высоцкого. Затрещали двери, зазвенели окна еврейских квартир, полетела на улицу мебель и кухонная утварь. Пух и перо забелили улицу... Вскоре погром перекинулся на Уфимскую улицу, состоявшую из лавок, магазинов, кондитерских, пивных, торговых складов. Громили лавки и магазины богатых евреев. Улица заполнилась ящиками, мешками, одеждой, обувью, граммофонами, книгами... Всякий попадавший в торговое помещение набирал себе что ему нравилось, считая своей обязанностью выбросить на улицу то, что ему мешает или не подходит. Скорее всего, список адресов еврейских квартир и магазинов был составлен заранее» (А.С.Скрипов).

Декабрь 1905-го стал переломным месяцем первой русской революции. В Челябинске пик перелома пришелся на 14 число. В ночь на 15-е дело дошло до вооруженных столкновений рабочих с казаками и полицией. В итоге в городе было введено военное положение, в январе начались аресты и увольнения революционных активистов.

4

Еще порядка двух лет понадобилось российским властям, чтобы утихомирить революционную стихию. Некоторая политическая стабильность позволяла задуматься о продолжении экономических реформ. Однако новая беда уже была не за горами. Летом 1914 года страна оказалась втянутой в военный конфликт, быстро переросший в мировую войну.

Понимал ли Николай II, чем может быть чревато для России, еще не до конца оправившейся от революционной смуты, еще далеко не завершившей свои реформы, участие в войне? Надеялся ли он, что волна народного патриотизма консолидирует все силы общества и вернет ему здоровое равновесие? Верил ли он в скорую победу? Как бы то ни было, ничто поначалу не предвещало самого негативного сценария. Да, все новые эшелоны с солдатами и техникой уходили на запад, да, уже близок был продовольственный кризис, однако объединенный во всеобщем противостоянии внешнему врагу народ почти всецело демонстрировал поддержку курса правительства. К концу лета 1914 года в Челябинске развернулась невиданная прежде благотворительная деятельность. Горожане начали сбор средств в помощь семьям, лишившимся своих кормильцев. 14 ноября прошел первый «кружечный сбор», в результате которого было собрано почти полторы тысячи рублей в пользу населения, пострадавшего от военных действий. Впоследствии кружечные сборы проводились регулярно, обиденными для города стали благотворительные киносеансы, театральные спектакли, выставки-распродажи. Предприниматели города финансировали покупку необходимых для формирующихся в Челябинске полков продуктов и товаров, оказывали поддержку госпиталю и больнице, куда с самого начала боевых действий хлынул поток раненых.

Однако война затягивалась, патриотический порыв, объединивший граждан России поначалу, теперь переставал быть единым. Народ вновь разделялся - теперь уже на сторонников и противников продолжения боевых действий. И это было вполне понятно: армия терпела одно поражение за другим, власти городов и губерний, прилагающие колоссальные усилия по поддержанию «боевой машины» империи, не всегда могли достаточно эффективно реагировать на нужды тылового населения, цены геометрически росли, уровень жизни резко снижался, нищета низших классов общества становилась вопиющей. Ситуацию умело использовали и революционные пропагандисты, вновь сеявшие в народном сознании семена хаоса и недовольства.

В Челябинске наиболее ярко недовольство неимущих войной выплеснулось в так называемом «бабьем бунте», когда в октябре 1915 года жены солдат, не получавшие обещанные властями пенсии и продовольственные пайки, сначала вышли на Соборную площадь, потом пошли к Городской управе и, не дождавшись ответа со стороны чиновников, перешли к более радикальным действиям. Под лозунгом «Мы должны бороться с буржуазией - торговцами, стоящими у власти» они принялись громить расположенные на центральных улицах города магазины, и только с помощью полиции и солдат бунтующих удалось разогнать. Несколько солдаток были арестованы, правда, их быстро опустили, а городская управа взялась за раздачу пайков и пособий.

Между тем приближался 1917 год, ознаменовавший для России начало необратимых и, наверное, наиболее трагических за всю ее историю изменений. Известие об отречении императора Николая II от престола всколыхнуло все общество. Едва ли не в едином порыве всеобщего ликования люди выходили на улицы, возникали стихийные митинги, повсюду звучали речи о «свободе, равенстве, братстве».

То, как легко и радостно приняли граждане России весть о завершении огромного исторического периода, с каким прекраснодушным опьянением принялись вводить новые порядки, может свидетельствовать лишь об одном: болезнь «утраты корней» достигла своей финальной фазы. Ветер хаоса подхватил великую прежде державу и в одночасье обрушил ее в кровавую бездну. Кровавая заря поднялась над страной, на семь с лишним десятилетий закрыв собою все небо. Из нашего сегодня такое развитие событий кажется вполне очевидным - ведь в лице императора народ отказался от аристократии как формы правления и формы существования.

Аристократия - как власть лучших - рухнула, и эпоха властвования «шариковых» всех мастей вступила в свои права.

5

Для Челябинска «новые времена» были ознаменованы противостоянием разнородных сил, жаждущих власти. Начиная с марта, в конфронтацию вступили два «комитета», Временный комитет общественной безопасности, в котором были представлены почти все социальные слои города, и Совет рабочих и солдатских депутатов. В августе в городе прошли выборы в городскую думу, на которых внушительную победу одержали эсеры (56 из 85), большевики получили 9 мест, кадеты - 8, меньшевики - 5. Естественно, это не устроило местную большевистскую верхушку, и они, выполняя установку своих столичных руководителей, начали организацию боевых рабочих отрядов. К октябрю в них входило уже около пятисот членов.

После победы октябрьского вооруженного восстания в Петербурге Совет рабочих и солдатских депутатов взял власть в Челябинске в свои руки, Дума была распущена, телеграф, почту и банк захватили представители восставших. Впрочем, в том и была сложность положения в уезде и - шире - в стране, что, в условиях анархии, разные силы диаметрально по-разному представляли себе будущее устройство России. И в ситуации, когда даже только одна сторона (большевики) не желала договариваться, гражданская война становилась неминуемой.

Вооруженный конфликт в Челябинске назрел уже 30 октября, когда к городу по призыву ряда состоятельных граждан подошел прибывший из Троицка отряд казаков. Впрочем, тогда большевики, чувствуя, что силы противника значительно превосходят, сочли за благо выполнить их ультиматум и передали власть Совету городской думе, но не надолго. Уже 20 ноября местные красногвардейцы получили значительное подкрепление из Сызрани, Уфы и Самары и, образовав Военно-революционный комитет, вновь захватили власть.

Следующим шагом стала «национализация и экспроприация»: победители проводили национализацию банков, предприятий, создавали систему карательных органов (ЧК, милиция, суд, прокуратура), закрывали неугодные газеты, вообще, всячески стремились пресекать инакомыслие. Весной 1918-го, с обострением так называемой продовольственной проблемы, большевики ввели хлебную монополию и продразверстку. В деревни были направлены продовольственные отряды, имевшие право не только закупать продукты, но и изымать «излишки» по своему усмотрению. Тем самым против власти Советов были восстановлены многочисленные слои крестьянства и казачества. И когда в конце мая 1918 года в Челябинске подняли мятеж офицеры чехословацкого корпуса (корпус с разрешения Советов многочисленными эшелонами доставлялся с Дальнего Востока на запад, и к моменту мятежа на станции Челябинск находилось свыше 8 000 вооруженных чехословаков), им было на кого опереться из числа россиян. По сути, это событие и стало точкой отсчета гражданской войны в России. То, что подспудно назревало столь долго, выплеснулось вовне.

6

Мы не станем в этом очерке подробно описывать перипетии гражданской войны на Южном Урале. Начавшись однажды, кровопролитие стало раскручиваться стремительно, втягивая в свой водоворот все новые безвинные жертвы. Белогвардейские войска установили власть Директории, Директорию отодвинул адмирал Колчак, Колчака вновь сменила Красная армия. Террор порождает террор, террор порождает героев, те, кто победил окончательно, получили право безжалостно перелицовывать страну на протяжении последующих семидесяти с лишним лет. По сути, получили индульгенцию на «законный террор».

Скажем лишь, что одной из решающих в этом противостоянии двух антагонистических сил стала именно Челябинская битва. В этой битве, проходившей с 24 июля по 3-4 августа 1918 года, наступавшие части Красной армии под командованием Тухачевского сумели преодолеть сопротивление войск Колчака и по сути (ценой сорока тысяч жизней, погибших в общей сложности с обеих сторон в битве за город) решили исход всей гражданской войны в свою пользу. Начиналась новая полоса истории - начиналась эпоха «мирного строительства» страны Советов. Число жертв этого «мирного строительства», впрочем, вряд ли уступает количеству жертв, понесенных страной в братоубийственной гражданской.

ГОРОД КАК МЕЧТА

1

Победив в Гражданской войне, новые правители России получили тяжелое наследие. Измученная противостоянием, страна находилась в катастрофическом положении, призрак голода грозил стать явью. Однако политика продразверстки, когда у крестьян изымалось практически все имеющееся зерно, и они вынуждены были год за годом уменьшать площади посевов, не была свернута. А засуха 1921 года сделала положение просто трагическим. К середине лета нечем стало кормить скот, т.к. вместе с посевами высохли и травы. Все больше людей умирало от голода, и надвигалась новая зима...

Люди переловили всех собак и кошек, ели лебеду (она была лакомством), кору, мох, делали муку из камыша, но это не спасало. Многие пытались уехать в Сибирь, продавали свои дома в последней надежде пережить зиму, однако цены на жилье резко упали и трудно было найти покупателей. Преступность приобрела угрожающий размах, и ничто не могло ее остановить, даже угроза расстрела. Стали открываться факты людоедства и трупоедства. И такое положение было не только в Зауралье, но и в европейских губерниях России, еще десять лет назад являвшейся крупнейшим экспортером хлеба на внешние рынки.

Весь мир, еще недавно противостоявший красной армии, помогал тогда Советской России. В Челябинск регулярно прибывали поезда с продовольствием из стран Европы, из Китая и т.д. Американская администрация помощи (АРА) открыла в городе в 1922 году семь столовых на пять тысяч человек, но и помощи катастрофически не хватало. Только по официальным данным, с осени 1921 по август 1922 года население Челябинской губернии сократилось на 17%. От голода умерли более 35 000 человек.

Чтобы избежать всеобщего вымирания, большевики были вынуждены перейти к так называемой новой экономической политике (НЭП). Они отменили продразверстку (собственно, изымать у крестьян к этому моменту уже было нечего), ввели продовольственный налог, разрешили торговать излишками. Страна начала выкарабкиваться из голодной бездны...

2

Что же представлял собой Челябинск начала новой эпохи? Как и вся страна, это было безбытное, искореженное нечто, которое язык не поворачивается назвать даже точкой отсчета для новой жизни. Это было некое «минус-пространство», руины тысячелетних усилий предков, бездна, которую предстояло обживать тем, кто уцелел в апокалипсисе революций и войн. Культура, т.е. тот плодоносный слой, который обеспечивает преемственное поступательное движение человеческих сообществ, была аннулирована за ненужностью, растоптана как нечто

чуждое и мешающее, и новые варвары, опьяненные безнаказанностью своих деяний и безмерно озлобленные имевшим место сопротивлением, формировали новый уклад, новую традицию, новую культуру. *Культуру террора*. Вот, для примера, один из их голосов, звучавший осенью 1920-го со страниц челябинской газеты «Советская правда»: «Вся эта сволочь, которая борется с Советской властью с самого начала Октябрьской революции, начиная от Дутова и кончая Колчаком, все еще продолжает жить мыслью задушить рабоче-крестьянскую власть... Мы не хотели применять жестокость, но теперь нас к этому вынуждают... До сих пор мы были излишне гуманны, но это не значит, что мы не в состоянии расправиться с врагами Советской власти. За каждое убийство хотя бы одного коммуниста или советского работника Рабоче-крестьянская власть будет уничтожать десятки кулаков и белогвардейцев. Пощады больше не будет...»

Ослепленные «классовой» ненавистью (как будто ненависть может иметь границы, как будто не отравляет она целиком всю душу), ожесточенные до предела, подобные люди поначалу еще нуждались в «реальных» причинах, чтобы проводить политику террора, однако со временем, по мере вхождения в роль, причины эти могли становиться все более виртуальными, а реакция - все более изощренно жестокой. Уже спустя несколько лет, когда по всей стране развернулась компания чисток, для того, чтобы «удостоиться» кар новой власти, достаточно было просто иметь «не ту» родословную, «не ту» биографию, достаточно было обронить «не то» слово в совершенно невинном разговоре.

Забегая несколько вперед, скажем, что новой власти не понадобилось и десятка лет, чтобы «чиски» переросли в «репрессии», когда число обнаруженных «врагов народа» стало исчисляться не десятками и сотнями, а тысячами и десятками тысяч. По явно заниженным данным, в тридцатые годы в области было репрессировано около 40 000 человек, из них расстреляно более 10 000. Стоит помнить об этих цифрах, листая страницы истории города середины века. Совершенно очевидно, что в городе не было и не могло быть ни одной семьи, ни одного человека, который смог бы «не заметить» происходящего. Агрессия либо страх, а точнее, агрессия и страх (которые неотрывны друг от друга) формировали психику «советских» поколений. И от них невозможно было спрятаться в пафосе речей и мечтаний о светлом будущем, в коллективном упоении порывом «великих строек» и иных «великих свершений». Новые поколения были обречены воспринимать эти «правила игры», точнее - правила жизни в тоталитарно-бандитском государстве, - как обыденную, непреложную данность. Новые поколения росли вне этических доминант тысячелетней человеческой культуры. Сорняки на свалке истории - такой возникает образ...

3

Понятно, что глаз «нового человека» должен был «спотыкаться» о многочисленные здания челябинских храмов. Их вертикальные линии, их купола одним своим наличием разрушали убогие смыслы большевистского мирка, заставляли поднять голову вверх, увидеть Небо. Это было, собственно, не столько идеологическое, сколько эстетическое противостояние, точнее говоря - в первую голову эстетическое. Поэтому разрушение храмов не могло не стать для «диктатуры пролетариата» одной из насущнейших задач. Разрушая культовые здания, они - вероятно, неосознанно - стремились окончательно разрушить нечто и в своих душах, с корнем выкорчевывая столь естественное для человека благоговение перед таинственным, перед высшим. Это была еще и психолого-символическая акция - размежевание с человеком-в-себе на уровне восприятия внешних форм. Большевиками было анатомировано само понятие красоты.

В начале 1920 года большевики начали закрывать храмы. 23 марта 1922 года, со второй попытки, был закрыт на протяжении более чем полувека игравший уникальную роль в жизни

Челябы женский Одигитриевский монастырь (первый раз его отстаивали верующие, объединившиеся в своего рода «комитет» для защиты обители; среди них, к слову, были искренние сторонники новой власти, наивно полагавшие, что вера может ужиться с новой идеологией; на примере Одигитриевской обители им был дан наглядный урок). Монахини и поддерживавшие их миряне были арестованы либо брошены в концентрационные лагеря. Не спасло монастырь даже объявление его монахинями трудовой демократической артели. Собственно, этой «артелью» он де факто являлся с момента своего основания (монахини, имевшие свои заимки, пахали и сеяли, разбили значительный фруктовый сад, возможно, первый в городе, организовали свечной завод, снабжавший свечами весь уезд, и т.д.). Однако какое значение это могло иметь для новых «хозяев жизни»?

Здание Воскресенской монастырской церкви было разобрано на кирпичи, были стерты с лица земли и многие другие православные храмы Челябинска, в том числе Казанская кладбищенская, Покровская церкви, уникальный для Челябинска Христорождественский (с 1914 года - кафедральный) собор, почти два века являвшийся архитектурно-структурным центром города. Взорвали и католический костел, величественное здание которого располагалось в районе нынешнего «Детского мира». Были закрыты также синагога, мечеть, в Троицкой церкви разместили краеведческий музей, в Александрово-Невской - газетный цех типографии, и т.д.

4

Итак, дореволюционный Челябинск безвозвратно уходил в прошлое. 20-е и 30-е годы стали для города временем формирования его нового облика, они закладывали фундамент новой эстетики городского пространства, эстетики промышленного мегаполиса, города-завода, города-рабочего поселения. Собственно, это была «плоская», нулевая эстетика, эстетика отсутствия оной, город обрастал бараками, промзонами, цехами и корпусами заводов. Получивший имя революционера Колющенко, расширялся бывший плужный завод; в 1927 году на северо-восточной окраине города началось строительство Челябинской электростанции (ЧГРЭС), запуск которой в 1930-м позволил обеспечить электроэнергией новые грандиозные стройки. Далее последовало строительство электрометаллургического комбината, включавшего ферросплавный, электродный и абразивный заводы, электролитного цинкового и станкостроительного заводов и, наконец, стройка десятилетия - ЧТЗ.

Даже сегодня, описывая этапы индустриализации советской России, многие авторы не в силах сохранять спокойно-деловой тон, - настолько заразительным для них кажется пафос этих «грандиозных свершений». В сущности, то, что мы называем сегодня «трудовыми буднями», было для тех поколений уральских рабочих и праздниками, и образом жизни, и ее смыслом. Лишенные корней, забывшие об истоках, тысячи и сотни тысяч людей утратили интуицию и чувство Земли как **космического дома**, и с яростным восторгом ожесточения принялись обустроить этот **дом** по своему убогому человеческому произволу. Естественно, и самые светлые человеческие чувства проявляли себя в этом строительстве, в этой зачастую самоотверженной, упоенной, на пределе сил работе. И все же - **что** строили эти люди? **для чего** строили они? и **что** из этого вышло? Вот как описывает состояние своего отца, литейщика на ЧТЗ, однажды-таки (в послевоенное время) вырвавшегося в отпуск в Ленинград, современный челябинский автор Сергей Нефедов: «Это сейчас я понимаю его, по прошествии бог знает скольких лет; вырваться из чумазого, неприглядного города, ни музея стоящего, ни театра, города, где он год работал по указу за опоздание на работу (на какие-то минуты) с вычетом в двадцать процентов. То время осталось невытравленным в наших душах, и пока жив будет хоть один слышавший заводской гудок, жива останется и память: полная зависимость от завода. И не верилось мужику ни в одну власть, ни при

какой власти. Хочется чего-то такого. А чего? Выходной настает; вспомним, как наши отцы гуляли. И дребезжат стекла в окнах от слитного, в унисон, хора застольного» («Лунная походка»).

5

Индустриальное строительство города (в котором, к слову, немалую роль играли и так называемые спецпереселенцы, т.е. лишенные всего имущества, всех прав и сосланные из европейской России семьи «раскулаченных» и других неблагонадежных «элементов») действительно двигалось невероятно быстрыми темпами, тем более поразительными, что поначалу проходило при почти полном отсутствии каких бы то ни было механизмов - «только канаты, носилки, лопаты, тачки», как вспоминал один современник. Оно было чем-то вроде продолжения недавних баталий гражданской войны, и оно выдвигало «на линию огня» своих «военачальников». В контексте развития города как живого организма нам интересно, однако, сейчас вспомнить не директоров заводов и руководителей строек, а человека, чье участие в преобразении города отразилось на его будущем облике «лица необщим выражением». Речь идет о А.К.Бурове, яркой личности, архитекторе, авторе жилых зданий и корпусов Тракторостроя.

Буров - это тот редкий для советского периода, особенно первых его двух десятилетий, тип человека, сумевшего пройти сквозь огонь, воду и медные трубы эпохи, сумевшего сохранить себя между молотом большевистского режима и наковальней Мировой Культуры, сохранить себя как творческую единицу. Заслуга Букова, как и иных вынужденных действовать в подобной же ситуации людей, если говорить коротко, в том, что он продолжал оставаться и действовать как **человек культуры**, как **человек творчества** в обезображенном, кастрированном мире унифицированных ценностей. Что, несомненно, требовало и большого мужества, ибо каждый, кто заявлял о себе как об индивидуальности, мог рассчитывать на благосклонность властей лишь до тех пор, пока он оставался этим властям интересен сугубо функционально. В этом смысле Бурову повезло - он занимался градостроительством, где функциональность главенствует по определению. Повезло и нам, ибо энергию творчества, энергию созидания нельзя упрятать под одеяло идеологии, и как бы ни редуцировали чиновники от архитектуры проекты Андрея Константиновича, конструктивистские его сооружения (будь то жилой микрорайон, заводоуправление и Дворец культуры ЧТЗ, ресторан «Восток», кинотеатр «Кировец») разительно контрастировали с «барачной» советской застройкой. «Если без обиняков,- говорит Михаил Фонов,- то современный Челябинск взял старт с проектов Букова. До него наш город выше двух этажей не поднимался. В соцгороде ЧТЗ жилые дома впервые выросли до четырех этажей... Буров отказывается от ленточной, фасадной архитектуры, когда здание примыкает к зданию вдоль улицы. Каждый дом он ставит отдельно. Он проектирует не только дом, а целый квартал, даже жилой микрорайон... Что касается других зданий Букова, то они и сегодня – украшение Челябинска. Например, бывший ресторан «Восток». Согласитесь, это здание знает себе цену...»

6

Следующим новаторским для Челябинска шагом было строительство семиэтажного здания с центральным гастрономом на площади Революции (архитекторы П.Кухтенков и А.Максимов). Этот дом как бы предопределил стиль застройки нового городского центра, задал высокую и нетривиальную планку. Рядом было построено круглое здание гостиницы (ул.Воровского), чуть дальше возник городок НКВД, был построен первый в стране многозальный кинотеатр, получивший имя Пушкина, стал активно застраиваться проспект Ленина (тогда это была улица Спартака), возник квартал жилых домов КБС. И одновременно (вопреки и параллельно с реализацией составленного ленинградскими архитекторами в 1936 году генерального плана

застройки города) Челябинск заполняют все новые и новые бараки. Что и понятно, ведь население города (ставшего, как тогда говорили, «всенародной стройкой») стремительно увеличивалось, в первую очередь за счет приезжих, а темпы строительства жилья значительно отставали от темпов развития промышленности. Скажем, если на одного челябинца в 1926 году приходилось 4,2 кв.м жилплощади, то через десять лет эта цифра уменьшилась до катастрофических 2,6 кв.м, включая бараки, всевозможные временки и даже землянки.

Вообще, барачный быт до- и послевоенной эпохи - это отдельная страница истории города. Вот как описывает расположенные почти в центре города знаменитые Кир-сарай очевидец: «Они занимали площадь от Теплотехнического института (тогда его еще не было) до кожзавода в глубину и от улицы Каслинской до Миасса в ширину. Застроены были Кир-сарай в основном развалюхами и полужемлянками, хотя встречались и вполне приличные дома... Улочки в Кир-сараях были узенькими и извилистыми. Шутили, что пни зимой какое-нибудь дырявое ведро ногой - и услышишь вопль: «Ты что безобразничаешь? Зачем дымовую трубу сшиб?!» Население Кир-сарая было криминогенное на сорок процентов, пьяное и бесшабашное... Участковый милиционер занимал нейтралитет - он никого не трогал и его не трогали. Жили в Кир-сараях весело. Представьте себе деревню, вдруг откуда-то взявшуюся посреди города! Здесь можно было услышать гармошку и залихватские частушки, не всегда цензурные, многие держали голубей, а на берегу Миасса картежники самозабвенно «шпилились под интерес» (играли на деньги) в карты. Вот одна деталь из моей свадьбы - у забора, со стороны двора, на табурет была поставлена бочка с брагой, а рядом на гвоздике висел ковшик. Бочка была прикрыта чистой простыней от многочисленной мухоты. А так как заборчик достигал человеку до груди, каждый проходивший мимо видел бочку. Протягивал руку, снимал ковш, наполнял его брагой, выпивал, громко поздравлял молодых и шел восвояси. Ближайшие соседи, да и просто забулдыги, делали по несколько заходов и в конце концов не вязали лыка. Был на свадьбе и свой, местный гармонист» (В.П.Пряхин).

С одной стороны, люди жили в атмосфере советской романтики, коммунального единства, словно примеряя на себя одежды коммунистической утопии, с другой - лишены возможности какого бы то ни было уединения, буквально наступали друг другу на ноги. Велика была уличная преступность, нередки грабежи, кражи, поножовщина. Рабочий город, Челябинск уже тогда пожинал горькие плоды стремительной индустриализации...

7

Следующая веха в архитектурном развитии города - 1947 год. «В этом году,- рассказывает заслуженный архитектор России Е.В.Александров, чью роль в становлении облика современного Челябинска трудно переоценить,- к нам приехала сразу целая группа выпускников Московского архитектурного института. Среди них были А.Ривкин, Д.Берштейн, Б.Петров, М.Мочалова, Ф.Серебровский, И.Талалай, А.Кладовщиков. Этот архитектурный «десант» возглавил главный архитектор города И.Чернядьев. Молодые специалисты, оставшиеся на Урале навсегда, построили в Челябинске десятки зданий, которые и сегодня украшают город».

«Какая это была жизнеспособная, спаянная группа голодранцев! - рассказывает о своих коллегах Мария Мочалова.- На неустроенность внимания не обращали. Работали взахлеб: и после рабочего дня, и сверх объема, дабы не мыслить штучным заданием, а прочувствовать, как оно впишется в окружающую среду, не диссонирует ли с близлежащими домами. Вот и шли из-под наших рук развертки, перспективы сверх необходимого, положенного. Или - сверхнеобходимые?!»

Руками этих энтузиастов были построены центральная, прилегающая к площади Революции часть улиц Тимирязева, Цвиллинга, здание Челябэнерго на этой площади, здание Публичной библиотеки, выставочный зал Союза художников, ансамбль 14-этажных домов по пр.Ленина, ДК железнодорожников, железнодорожный техникум и т.д. Их творческой энергией город обретал новое ядро, новый центр, ставший культурным противовесом люмпенским окраинам. Этот центр, эта ось до сих пор держит город, внося свой неявный вклад в формирование психики и ментальных основ все новых поколений молодых южноуральцев. Да и как может быть иначе - ведь пространство вовне и внутреннее наше пространство с неизбежностью коррелируют между собой, порождают друг друга, взаимоотражаясь...

8

Интересно, что в то время как центр города интенсивно застраивался новыми, со своим лицом, зданиями, бараки продолжали свое существование нетронутыми, и так было аж до 1961 года, когда ставший председателем челябинского горисполкома Леонид Ильичев сумел добиться от Москвы выделения средств на ежегодное жилищное строительство. Что ж, строительство началось, начали сносить и бараки, и сносили их - 24 года... А взамен - возводили «хрущевки». «Сейчас все ругают хрущевки и «хрущебы», которые строились в 60-е годы и позже,- говорит Л.А.Ильичев.- Теперь они людям не нравятся. Нам они не нравились и тогда. Однако эти дома были нужны. Людей выселяли из бараков, где они жили в тесных холодных комнатках с печным отоплением, с туалетом во дворе, с водопроводной колонкой на улице. Я был свидетелем множества радостных слез, когда челябинцы переселялись из бараков в отдельные квартиры со всеми удобствами. Для них это было счастьем».

Не станем спорить с достойным руководителем, действительно сделавшим для города очень много. Отметим лишь, что именно жилище играет одну из решающих ролей в формировании «умонастроения» своих обитателей. Чем был Челябинск до «хрущовок»? Крепостью, жители которой объединены для противостояния внешнему врагу; большой деревней, где каждый все знает о каждом обитателе своего околотка; наконец, «концентрационной зоной» - местом, где в условиях «барачной коммуны» десятки тысяч согнанных сюда для «великих свершений» людей варились в общем соусе тоталитарной идеологии. Появление же «хрущоб» в этом контексте было для Челябинска (и не для всей ли России?) началом «ментальной революции», залогом «ментального переворота». Они привнесли в жизнь населяющих этот город людей нечто доселе невиданное - невиданное в таких масштабах. Они принесли - обособленность, приватность, возможность уединенности - для многих. И вместе с этой возможностью - еще одну, наиважнейшую: возможность «выбирать умонастроение». Можно сказать, что доклад Никиты Сергеевича на XX съезде создал для подавляющего большинства «детей революции», прежде плившего в жестко заданном однонаправленном идеологическом потоке, некую точку сомнений, точку отсчета для будущей ментальной полифонии. Доклад Хрущева заложил семена будущего диссидентства. А его дома явились той «почвой», на которой этому последнему предстояло прорасти. Ибо человек, которому посчастливилось сбегать со света софитов коммунальной кухни в укромный сумрак своих «метров», перестает маршировать в ногу. Он открывается навстречу своей собственной душе, **отчаяние одиночества** стучится в его плотно закрытые двери, и вечные вопросы **о смысле** отныне не дадут ему покоя...

Напрашивается простой, хотя и несколько парадоксального свойства вывод: «хрущевки» стали началом конца советской России.

Отделенные друг от друга капитальными стенами своих новых квартир, в домах, лишенных каких бы то ни было эстетических излишеств, а попросту говоря - стоящих вне понятия «архитектура», горожане 60-80-х могли бы оказаться в новом пространственном вакууме. Город, некогда возникший на краю удивительного соснового бора, с одной стороны, и возле цепи березовых рощ - с другой, беспощадно вырубал леса вокруг для своих эфемерных нужд, и коробки девяти- и пятиэтажек и сегодня могли бы возвышаться среди чистого поля, если бы не многолетний кропотливый труд архитекторов, озеленителей, ландшафтных дизайнеров. «Начало новой «эры» работ по озеленению центра города относится к 1950 году, когда, одновременно с завершением реконструкции здания оперного театра, перед ним был разбит партерный сквер по проекту архитектора И.В.Чернядзева. Так возник первый зеленый ансамбль в центре города», - вспоминает Дина Львовна Берштейн, одна из членов московского «архитектурного десанта» 1947 года, автор проекта сквера на площади Революции и один из главных «идеологов» стратегии озеленения города. «В моей жизни особое место занимает бульвар на проспекте Ленина. Его строительство началось в 1975 году... Я назвала бульвар «Увертюрой к лесу», т.к. сюда были выведены жители леса - голубая ель, лиственница, сосна, скомпонованные крупными группами на фоне зеленых лужаек... 1970-80-е годы - период прорыва ландшафтной архитектуры в городскую среду. Строится «Сад камней» у Дворца спорта, бульвар Славы по улице Коммуны, реконструируется городской сад имени Пушкина...» Параллельно с созданием специфических «зеленых ансамблей» (чему, в частности, активно содействовал бывший председателем челябинского горисполкома в 70-е годы Л.Н.Лукашевич, вообще человек в истории города неординарный) шло и «плановое» озеленение дворов и улиц. Челябинск как бы возвращал этой земле ее «легкие», а для своих жителей «резервировал» возможность живого диалога с природой. В сущности, город заботился о своем будущем, о душах своих подрастающих обитателей. И если могут сегодняшние среднего возраста горожане сказать за что-либо спасибо своим предшественникам, то в первую очередь - за это.

«В Челябинске и раньше было много привлекательных зеленых уголков. В 50-70-е годы парк имени Гагарина был излюбленным местом гуляния Челябинцев... Прекрасен был «сиреневый сквер» у главпочтамта по улице Кирова и «дремучий сквер» по улице Коммуны у здания облисполкома. Но все это ушло в небытие под влиянием новых веяний» (Д.Л.Берштейн). «Новые веяния» и сегодня кардинально меняют город. В борьбе за каждый «полезный метр» городского пространства бизнесмены, строители, власти не склонны задумываться об уникальности городского «зеленого наряда», и варварское отношение к «легким города» стало едва ли не нормой. Да, за последние полтора десятилетия облик Челябинска изменился невероятно. Современные здания разнообразного стиля растут в городе как грибы. Но эклектика этого строительства (апофеозом которой стало появление посреди старинной Уфимской улицы, ныне - Кировки, огромной монструозной башни «Челябинск-сити», разрушившей все мыслимые композиционные связи в радиусе двух городских центров - старинного и современного) не может не вызывать навязчивых ассоциаций с Вавилоном, а демонстрируемое отношение к историческим слоям городского ландшафта выдает новую российскую ментальность - ментальность «человека-вне-этики», а попросту говоря - **человека корыстного действия**.

Но Челябинск терпит и это. Что ж, такова судьба любого города: на перекрестье ментальностей, на перепутье судеб и эпох. Город в каждую эпоху есть результирующая от суммы множества психик, есть некий динамический итог их взаимодействия. Город - это портрет живших в нем и живущих, и - более того - это возможность увидеть сквозящий облик тех, кто будет в нем жить спустя годы.

Челябинск, город, выросший на холмах, зачастую воспринимается сегодня его жителями как город-плоскость, как кромешная, без конца-края, равнина. И это далеко не случайно. Хотя бы потому, что за последние полвека он неимоверно разросся, и что могут значить несколько локальных холмов в сравнении с территорией в 550 кв.км?

В начале нашей книги мы говорили о феномене города как самодостаточной, обособленной от мира вонне единицы. На примере Челябинска хорошо видно, что свою самодостаточность, независимость от живой природы современный город-гигант отстаивает самым простым, незамысловатым образом: неумолимо наползая на окружающие его пространства, «съедая» их подобно раковой ткани. Что ж, такова логика развития технократической цивилизации. Машины работают на людей, люди - работают на машины. Машины дарят человеку иллюзию счастья, человек отдает на откуп машинам самую матушку землю... Гигантам челябинской индустрии (Тракторному, Трубопркатному, Металлургическому и многим другим заводам) нужны были новые площади, новые рабочие руки. И город прирастал новыми промзонами, новыми жителями (число коих перевалило за миллион еще при власти Советов) и новыми микрорайонами стандартной застройки. По сути, так расширяющийся город демонстрировал собой основной закон расширяющейся Вселенной - закон энтропии. По сути, так расширяющийся город сам себя лишал центра, оси, основы, распадаясь на аморфные образования, лишь номинально составляющие единое целое. Но - новые «пустоты» давали возможность для появления новых «центров», и они возникали. Не всегда это были центры архитектурные, скорее, с приближением к новому тысячелетию, наступал черед центров «виртуальных», а попросту говоря - центров культурных. Разрушив культурную сеть старого образца, город был обречен на попытки культурной само-реанимации, и не сказать о них несколько слов в этом очерке было бы с нашей стороны упущением.

Культурные традиции живы преемственностью, но - к счастью (к счастью, потому что коммунисты основательно постарались выкорчевать самые корни культурных традиций) - не только. Культура сохраняется (и возрождается) там, где душа проделывает некую незримую работу по самотрансформации, где человек находит в себе силы «прорасти» в вертикаль. Поэтому смело можно сказать, что культурные центры новой Челябы отнюдь не ограничивались академическими вузами с их профессурой. «Культурными центрами» становились люди. Чем был бы, скажем, сегодняшний город, не приведи сюда судьба «князя» Леонида Оболенского? Пусть провел он в Челябинске лишь около десятилетия (до 1972-го), а потом был, по сути, сослан в Миасс, однако шлейф его пребывания в этом пространстве остается ощутимым и в 21 веке. В частности, совсем недавно возник в городе Дом-музей этого актера, действительно культурный островок в океане урбанистического хаоса. Одним из своих учителей называет Оболенского и такой совсем непровинциального масштаба человек, как Николай Болдырев. Переводчик, писатель и философ, создатель крупнейшего на Южном Урале книжного издательства, он проделывает колоссальную работу по наведению мостов между современной европейско-русской культурой и архаическими культурами Дальнего Востока, работу особенно знаменательную, если вспомнить о положении Челябинска в средоточии и на пограничье Евразийского континента. Можно назвать здесь и Геннадия Здановича, открывателя «страны городов» южноуралья, погрузившего город и регион в самое средоточие «индо-арийского мифа»; и Владимира Боже, который не только открыл для нас многие забытые страницы истории города, но благодаря своим работам и публикациям словно бы сумел вернуть Челябинку в сам контекст истории. А как не упомянуть основателей студенческого театра «Манекен» братьев Морозовых;

главного режиссера челябинского драматического Наума Орлова; Валерия Ярушина и его неувядающий «Ариэль»; скульптора с мировым именем Виктора Митрошина, автора «Сферы любви» у «Киномакса» и живых фигурок на Алом поле; мастеров уральского пейзажа Виктора Скобелева, Николая Петриченко, Ивана Болотских... Не менее уникальны для культурного пространства города «возмутители спокойствия» предприниматель Павел Рабин, директор 31 лица Александр Попов, преподаватель и журналист Марина Загидуллина... А художник-исследователь, керамист и талантливейший дизайнер городских ландшафтов Борис Чернышев, а мастер волшебных полотен и утонченнейшей исповедальной прозы Сергей Нефедов, а знаток городских сюжетов и самобытный автор Михаил Фонотов, и еще многие и многие иные, каждый из которых - центр созидания и островок культуры в море хаоса с именем Челяба...

11

Многое и многих вобрал в себя наш город. И если первые его обитатели, оказавшись ограниченными рамками городского вала, могли «ностальгировать» разве что по утраченной открытости традиционной русской деревни, то мы, имеющие за плечами три века его истории, свободны выбирать. Знаки и приметы всех минувших эпох остаются пока еще среди этих улиц и скверов, пустырей и заборов; даже безжалостно гонимые грохотом новых амбициозных строителей, вытесняемые крикливой рекламой, суетливыми сонмами спешащих машин и людей, они *есть*, и они *ждут нас*, молчаливые проводники в то минувшее, которое не сможет миновать до тех пор, пока мы храним его в своем сердце.

«Сегодня я снова стою на гранитном выступе обрыва. Вокруг все серое: небо, воздух, вода в Миассе. Крупные капли редкого дождя тоже серые. В разрывах туч изредка показывается скучное солнышко, совсем ненадолго, и тут же тучи прячут его в свои глубины. Ветер налетает порывами и швыряет под обрыв сорванные с берез листья. Покружившись в воздухе, они исчезают внизу. Над серой пеленой воды стремительно проносится чайка и тоже исчезает. Как только они тут живут? Еще лет десять назад в Миассе можно было купаться. Сейчас нельзя, настолько он грязен. Но ребяташки купаются. Река все же.

Под обрывом, как раз подо мной, есть маленькое чудо - родничок с живой водой. Вокруг грязно, замусорено, а он, упрямый, пробивается из горы по капельке - прозрачный, холодный. До чего же вкусна вода из него! Когда мне совсем худо, я собираю в ладошку эти драгоценные капельки и, наслаждаясь, пью. Живая вода.

Совсем потемнело. Напротив, на берегу, в девятиэтажках засветилось множество окон. А когда-то на месте этих громад был поселок из маленьких деревянных домиков. Ни один из них не был похож на другой. Во время половодья Миасс становился громадным, и первые две-три улицы заливало до самых окон. Возле домов дежурили на лодках, чтобы случайной льдиной не задело домик. Зато весной в пору цветения и на этой стороне можно было опьянеть от аромата цветущей сирени и черемухи.

Ничего этого нет. Но есть сквер. Есть крутой обрыв над Миассом. Есть родничок с живой водой. Есть осень. И есть я. Здесь начало моей жизни, и здесь, только здесь она окончится».

Этими замечательными словами челябинской поэтессы Нэлли Михайловны Ваторопиной мы завершим наш очерк.